

Анастасия Монастырская

ТРИада Сон в летнюю ночь

С теми, кто друг друга ненавидит, на этом свете нет никаких затруднений. Они всегда похожи.

М. Павич "Хазарский словарь".

На вопрос, что будет через двадцать лет, я всегда отвечал: будет всё то же самое, только немного хуже.

Б. Стругацкий

СОЛО

Тшорт побъери!

Далее следует ряд непереводаемых идиоматических выражений.

Ну кто, скажите на милость, придумал такие лестницы, где постоянно отсутствуют лампочки? Для облупленных питерских домов — это аксиома. Ох, больно-то как, ведь знаю каждую выбоину, каждую ямку, а все равно — на вот — каблук подвернулся, и полетела я, словно лебедь белая, в зияющую пропасть. Полетела, правда, недалеко — на первый этаж. А надо мне на пятый. Лифт, конечно, не работает. Где вы видели лифт, который работает ночью?! То-то. Ночью надо спать. Только такие идиотки, как я, бродят по улицам в поисках приключений. Так, Наст, спокойно, сосредоточься. Попытка номер два! Медленно поднимаемся, одергиваем юбку и изящно — я сказала, изящно! — карабкаемся по ступенькам. В крошечной темноте. А наверху — два красных огонечка. Призывно горят, будто приглашают в затаенный парк аттракционов: "Добро пожаловать в преисподнюю".

Страшно? Аж жуть! Брось бояться, ты прекрасно знаешь, что наверху никого нет. Все давно почивают. Песню, что ли, затянуть для храбрости?

Счас спою! Как солнышко лесное. "Спят, котята и мышата, и бомжата тоже спят. Все уснули до рассвета. Лишь зеленая карета..." Ишь ты, зеленая! А с красным крестом тебе не подойдет? Может, и подойдет, но пока она подойдет, я уже околею от страха. А покойничков нынче «скорые» предпочитают не забирать — возни много.

Так, а это кто у нас там сопит?

Кто, кто... Ты сопишь, балда, да еще подвываешь от избытка чувств.

Ага, вот и квартирка, норка моя маленькая. Однокомнатная. Сим-Сим, откройся. Клац ключом в пол-оборота. Открылась, куда денется. Как ни крути, к себе домой пришла, не в гости.

Шур-шур-шур. Шуршат гады усатые. Сейчас свет включу, и поползут они изо всех щелей. Ко мне поползут, потому как тепло человеческой души любят. Тянутся. Только тараканы ко мне и тянутся, больше некому.

Кухня. Наконец-то! Можно сесть спокойно, туфли скинуть, ноги вытянуть и с комфортом зареветь. По-бабьи. В голос. От обиды зареветь, между прочим.

А впрочем, сама виновата, нечего было подставляться. Кто тебя за язык тянул — мол, люблю, люблю. Ему это надо? Не-а. Нет, не спорю, начиналось все хорошо, словно в плохой мелодраме. Теплое шампанское, три чахлах гвоздички в бледном целлофане и смазанные объятия по углам. Просто встретились два одиночества... М-да, ну с моим-то одиночеством

вопросов пока не возникает: мадам давно готова к большой и чистой любви, а вот второго участника этого несостоявшегося марафона неожиданно сняли с дистанции. Допинг, знаете ли, принимал. В виде простой и дружной семьи. Пять душ — это вам не шутка: дети, тети, дяди и в придачу верный друг — жена, товарищ по жизни. "Мы в ответе за тех, кого любим, а не за тех, кого приручили. Приручить можно кого угодно и как угодно. Законом не возбраняется", — сентенция, однако.

Как сказал, а?! Мы с Сент-Экзюпери синхронно вздрогнули. Он на небе, я на земле. Оказалось, что меня пока приручили, о любви мы просто не успели договориться. И почему-то сей прискорбный факт выяснился именно нынешним вечером, аккуратно через пять минут после закрытия метро. В спешном порядке возникли семейные сложности, которые нужно столь же срочно решать. Ну, надо, так надо.

Так что пошел мой суженый блюсти дальше ответственность за своих квартиросъемщиков, а я в гордом одиночестве побрела домой. Через ночной Невский, на подгибающихся шпильках. И что самое обидное: никто не пристал, никто не встретил. Кому нужна всклокоченная баба неопределенной наружности и вот такой ма-аленькой окружности? Ау, добровольцы! Молчат паразиты. Попрятались.

Господи, как хочется выпить или, на худой конец, отравиться! Не навсегда, только на время. По-английски. Выйти на тот свет, не прощаясь, а потом вернуться. Как в одном детективе. Правда, способ какой-то рафинированный. Берется четверть литра спирта и резким движением руки выливается. В себя. Для надежности в спирте рекомендуется растворить пачку аспирина... Автор явно отстал от жизни. Блин, где взять стакан спирта! Для себя!!! Аспирин есть, а спирта нет. Хотя, стоп, почему нет? У мужа есть. У законного. У него всегда все есть, как в Греции. Традиция, знаете ли. Что ж, пойдем скрести по сусекам. Стыдно, конечно, но душа у обиженной дамы горит и плачет. А это, господа, святое! Над этим даже не посмеешься.

Наша квартира — шедевр семейного зодчества. Коммунальная комната плюс коммунальный диван. Вы когда-нибудь спали в коммунальной постели? Это что-то! Любителям острых ощущений настоятельно рекомендую. Получите неизгладимое пятно на всю оставшуюся жизнь.

Впрочем, что диван — комнату мы с Вадюшей тоже поделили. Честно. Ему половина, и мне половина. Диван посередине — государственная граница. Ее мы неустанно соблюдаем, спим рядом, но очень осторожно (не дай бог, чужая пятка переползет через таможенный пост), и сообща боремся с рыжими диверсантами. Хотя, если подумать, откуда у тараканов заграничные паспорта? Они по природе своей космополиты. Им наш супружеский закон не писан, где хотят ползать, там и будут. До первого удара тапком.

Вот! Знай привычки супруга своего, соблюдай дистанцию и будь бдителен! И тогда на тебя свалится счастье. А что, хорошее счастье — полтора литра "Метаксы" российско-украинского розлива. И даже с краником, чтоб удобнее было. Неделю назад муженек заныкал про черный день, а я заметила. Глазастая, с ума сойти! Вот он и наступил, тот самый черный день. Вадюше ведь все равно. Под утро приползет, не до того ему, бедняге, будет. Его, простите, будет очень-очень тошнить. В такой момент мужа понимает только одно существо на земле — фаянсовый унитаз.

Пьет Вадюша много, даже больше, чем я. В день съемок обязательно случается традиционный дружеский сабантуйчик, а поскольку съемки сутки через двое, то мой экс-Вадюша очень устает. Какой же организм выдержит такое надругательство над собой.

Кстати, чуть не забыла, а кто у нас муж?

Как это кто?! Представитель рабочей интеллигенции.

М-да, предупреждать надо.

Нет, боже упаси, он не писатель. Он режиссер на вольных хлебах. Он светило... отечественной порнографии, со всеми, пардон, вытекающими отсюда последствиями.

Итак, за черный понедельник в моей непростой судьбе. Сервируем стол: бренди, я и тараканы. Все. Гостей звать не будем. Тот, кто захочет, сам придет. Чу! Телефон молчит, значит, это меня.

Пожалуй, пора привыкать к таким ночам. Их впереди будет много.

Целая вечность, словно щербатая обглоданная луна. Кто знал, что спустя каких-то восемнадцать лет я буду сидеть на покрытой плесенью и воспоминаниями кухне и пить омерзительное пойло. И напротив — единственный собеседник, старенькое облезлое зеркало. А дальше тишина. Только за стеной парочка пенсионеров упоенно смотрят бесконечный «мыльный» сериал длиной в жизнь:

— Хочу, добрая фея, чтобы у меня все было!

— Договорились, у тебя все было!

Вот и у меня все когда-то было. Любовь, от которой все шесть позвонков покрывались мурашками, любимая работа, имя и самое главное в этом государстве — мой социальный статус-с! Так ведь это когда было? Судьба, она, как кубик Рубика — все ясно и просто, понятно. Ну-ну. Один поворот — и попробуй составь обратно. Одно неверное движение, и твое упорядоченное бытие превращается в хаос. И ни бог, ни черт уже не в помощь.

— Господи!

— Слушаю тебя.

— Господи, хочу маленькое черное платье, в Париж и замуж!

— На линии помехи, перезвоните позже.

— Черт подери!

— Подеру, подеру... Чего хочешь?

— Хочу замуж, нет, сначала все же в Париж, и... маленькое черное платье от Коко

Шанель.

— А зачем?

Действительно, зачем? Куда мне все это, особенно то короткое дурацкое платье. С моими ногами! Разве что на тот свет, дабы прилично выглядеть, когда замотанные небесной рутинной ангелы начнут задавать мне вопросы. Кто, сколько и почему?

Как они шуршат, господа! Тараканы, разумеется, не ангелы. Это они от возбуждения. К спирту тянутся, словно к источнику знаний. Умные сволочи, что бы мне ни говорили о тараканьем IQ. Оно у них правильное. Хорошее IQ. Да и сами они ничего. Гладкие, глянцевые и все понимающие. У них даже глаза такие, как у лучшей подруги, когда она решила, наконец, открыть всю правду:

- А знаешь, твой муж тебе изменяет. Все знают, ты одна не догадываешься! Слепая! Святая!

Почему не догадываюсь? Знаю. И не слепая. А уж о святости кто бы говорил.

Попробуй не заметить, когда он вваливается в полчетвертого утра и с порога читает водочным речитативом:

— Малыш! Я весь день на работе. Я денег принес — мно-го...ого-го!

И достает из широких штанин, словно последнее достояние республики — использованные презервативы:

— Понимаешь, сцена — он, она и дог. О, какой это был дог! Мраморный. Сам бы не

удержался, но работа, зайка, работа прежде всего! А кондомы хорошие, импортные. Плотные! Им сносу нет. Мне можно доверять?

Порнография — это искусство. И оно требует редкой самоотдачи. Вадюша вечно в поиске: натура, типаж, негры, блондинки. И прима в стоп-кадре! Лица-суперстар. Ноги от пупа, поволока в глазах и ментоловая сигарета в зубах.

Лица меня жалеет. Еще бы, имеет право! Лучшая подруга. Она меня даже подкармливает и подпавивает, исключительно по доброте душевной. Снисходительно развлекает байками, когда Вадюша храпит на коммунальном диване, отдыхая от профессиональных подвигов. Потом уходит на его территорию. Ей здесь лень одной ночевать. Звезда да последует за своим творцом.

Я не звезда, я остаюсь на кухне. Вместе с этими, которые шуршат. Больше мне некуда податься. Тупик. Капают вода в гору немытой посуды, я сижу и жду. Чего, собственно, жду. Перемен? Избавления?

Больше всего на свете человеку досаждают тараканы и скука. Так, по крайней мере, написано в одной книжке для умелых домохозяек. Домохозяйка из меня, конечно, на троечку, но избавится от этих тварей, я все же пыталась.

Вадюшу они избегают. А ко мне приходят. Ночью, днем — в любое время суток, как насморк. Придумал же господь такую гнусь. И ведь не вывести ничем. Они у нас акклиматизировались.

Читаем дальше:

"Для того, чтобы избавиться от тараканов, нужно вести с ними борьбу. Борьба эта должна быть систематической и хорошо продуманной. Знайте! Помните! Тараканы размножаются в местах, где есть вода и пища. Днем они прячутся, а ночью выходят на тропу, проявляя повышенную возбудимость и активность. Хорошим средством для их уничтожения является практически безвредный для человека порошок пиретрума. Пиретрум — это высушенные и размельченные цветы кавказской или далматской ромашки. Порошок распыляют с помощью резиновой груши".

Одного только не пойму — или я такая бестолковая, или тараканы у нас особенные. Война с ними идет вот уже сколько лет, а толку — рваная кошелка. После распыления из резиновой груши они не только не исчезли, но и стали бешено мутировать. Раньше просто ползали, теперь еще и летают. Говорю же, умные. В общем, это не научное открытие. Летучие тараканы, барбуды, есть, к примеру, на Кубе. Но здесь, в центре Питера — полный бред. Я смирилась. Пусть летают, пусть ползают, хоть какая-то иллюзия жизни.

Вот и сидим с ними, ночи коротаем, мужа поджидаем: когда он сперматоксикоз на работе преодолевает. Другого дела для такой домохозяйки, как я, не нашлось. Правда, и особого хозяйства, тоже. Это не для меня. Позади — разоблачительные статьи, зарубежные стипендии, гранты, денежные премии. Позади осталась я сама. Кто теперь меня помнит? То-то. Было имя сродни горькому блюзу, с тонким лимонным привкусом. (Неплохо сказанула! Плохо... Претенциозно. И пусть!) Имя-то осталось, ценителей нет. Были, и нет.

Это ведь в 2000-м казалось, что еще немного, еще чуть-чуть — и мы войдем в новую эпоху победителями. Все сходили с ума от слова Миллениум, пророчили новое счастливое будущее и ждали смелых и парадоксальных откровений. Особо безумствовала интеллектуальная ЭЛИТА: литераторы, журналисты, режиссеры. Одни присягали на верность существующей власти, другие ударялись в бизнес, третьи, напротив, занимали выгодную идеологическую оп-па... позицию.

Прогодали все. Потому что, это был всего лишь Миллениум. Призрак, очередной фантом перемен. Все осталось прежним, только намного скучнее и гаже. Элиту скосили под корень в первую же пятилетку, припомнив ей прошлые и будущие грехи. Упразднили все, даже газеты.

Разве это газеты?! Пресные листки на изломанной скрепке и газетой-то не назовешь. Замшелый печатный орган, с недельной щетиной, сквозь которую не продраться даже после ста грамм.

Истинная пресса — в компьютерной сети. И ведь, что самое смешное, нас предупреждали, еще тогда, на стыке веков: ребята, постперестроечной журналистике кранты, то же самое произойдет и с таблоидами. Никто, правда, не верил. Как так? Что, не будет ни газет, ни радио, ни телевидения. А так! Дешевле, проще и спокойнее. В сети все под колпаком. Там каждый сам себе журналист, критик. Если у тебя перо чешется, то бери себе хлесткий псевдоним, например, Вася Звенигородский, и вперед — что хочешь, то и пиши. Сеть, она не бумага, она все стерпит: хоть мертвяков, хоть люденев, хоть транссексуалов. На то она и сеть: не найдешь ни начала, ни конца.

Народ настолько увлекся виртуалкой, что и любовью-то разучился заниматься. В натуре, как нам завещали наши патриотичные бабушки и дедушки. Зачем, когда есть нужные сайты? Желаете мальчика, девочку, группу в полосатых купальник? Пожалте! И никаких душевных затрат и переживаний. Несколько движений мышкой — и тебя накрывает виртуальный оргазм. Чисто, стерильно, безвкусно.

Впрочем, может, так оно и надо?

Как-то мы в редакции ночью дежурили, все упились и спать залегли. А мне не спится, няня, дай огня! От нечего делать на idiot.ru забралась. Кайф! Ту ночь с "Тигрой в тумане" не забуду никогда. Тигра, правда, так себе оказался, больше охи да вздохи, но туман превзошел все мои ожидания!

Утром, разгладив пролежни от клавиатуры, я поняла: если бы не Вадюша, мое счастье точно бы составил он — Пентиум. Только вот беда, не сошлись характерами и бюджетом.

Уж Герман близится, а полночи все нет... За стеной мыльную оперу сменил средненький боевичок с его извечным носогубным прононом:

— O, sheet!

О, дзинь!

И кого это, люди добрые, занесло к нам на огонек?! Букашечки бросились врассыпную, а храбрая мадам застыла с молотком в руках подле входной двери. Да, это сюр, господа, но зато, какой сюр!

Я боюсь ночных визитов. ТАК в дверь звонят только коммивояжеры и захмелевшая судьба, причем не знаешь, кто из них хуже. Смерть-то входит бочком, снимает в прихожей грязно-белые стоптанные тапочки и деликатно извиняется: «Простите, я не поздно?»

Вот с ней приятно иметь дело, не то, что с лестничными коробейниками: "Сегодня у нас рекламная распродажа! Мы предлагаем вам пятнадцать метров бельевой веревки по цене за один! Торопитесь! А не то опоздаете!" Куда? Вы когда-нибудь видели человека, который боится опоздать на тот свет?

"Покупайте новую универсальную игрушку — лицемер. На все случаи жизни. Вы сможете слепить из нее тещу и высказать ей все, что наболело. У вас нету тещи? Тогда слепите из лицемера начальника. И начальника тоже нет? Как вы тогда живете! Кошмар! В общем, думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь."

Или вот еще спецпредложение: "Хотите панацею от хандры?" Хочу! "Нате! Всего за сто у.е., и хандря как ни бывало". Хотя давно известно — лучшее средство от депрессии это стакан коньяка и Нобелевская премия. Последняя — в нагрузку.

Блин! Вот так трезвон! Может быть, не открывать? Нас нет дома! Нету нас дома и не будет! А кто говорит? Говорит радио: московское время — 00 часов, 00 минут. Спокойной

ночи!

Впрочем, стоит ли так бесцеремонно поступать с человеком, даже если он ошибся номером квартиры. Пусть за дверью — зло, но ведь чужое, незнакомое, а потому очень-очень соблазнительное. Всегда есть альтернатива... Да-да, та самая, которая сейчас корчит мне рожи из зазеркалья. Из двух зол мы выбираем то, которое еще не пробовали. Тишиной я сыта по горло... Все равно что, все равно кто, все равно, как — лишь бы хоть что-нибудь изменилось в непутевой и скучной жизни.

И таки открыла. Сделала шаг вперед, смахнув кубик Рубика со стола.
Ну и кто?

Никто. Господин Никто. Не в смысле загадочности, а, наоборот, в смысле заурядности. Господин Никто средних лет. (А насчет средних лет мне бы, постбальзаковской, помолчать!) Серый костюм. Серые (от пыли?) башмаки. Серый пух на голове.

Помнится, в школе мы, заучивая правила грамматики, упоенно бормотали: "И тогда пришел он. Некто в сером со свечой".

Вот... пришел. Только вместо свечи — пузатый портфель, серый от потертостей (бывший рыжий?). И мокрый березовый веник — торчком из портфеля! Роскошный экземпляр! Я про веник, а не про мужичка. Таких в базарный день на пятак — пучок. Я опять про мужичка. Веник-то ему зачем? И посреди ночи?

— В бане был. От радикулита, знаете ли, очень помогает.

— О! — светски поддерживаю. — Баня — да. А есть еще замечательное средство — конский навоз. Мои соседи с третьего этажа любили его варить. Давно. Супруг с ипподрома в ведре таскал, а потом на плиту ставил. По мере готовности прикладывал к главному очагу поражения. К супруге. У нее вечно прострелы были.

— Помогло? — судя по живому интересу, радикулит у серого мужичка еще тот.

— Нет. Померла. Оказалось, нужен навоз от мерина, а на ипподроме одни кобылы остались.

— М-да, не повезло... — не уточнил, кому именно.

— Не повезло. А вы, собственно, кто?

— Из санэпиднадзора.

— Так! Приехали! Только СЭС мне для полного счастья и не хватало.

— Вы не поняли. Я — служба ликвидации.

— Ликвидации чего?

— Ликвидации всего. Вы на тараканов жалуетесь?

— Кому?!?

— Всем. Все жалуются на тараканов. Всем... Позвольте войти? На лестнице дует.

Позволю. Позволила. Женская логика, точнее полное ее отсутствие. В конце концов, почему бы и нет? Какая разница, когда выводить тараканов — утром или прямо сейчас. Тем более, ночью их всегда больше.

Он сразу предупредил:

— Обувь снимать не буду. Я без носков. В бане забыл, повесил сушиться, и... забыл. А коньяка выпью.

Да ради Бога, что я мужичков без носков не видела?! Вон у нас журналист Клейн был, так он в Правительство Ленобласти всегда без носков шастал, но зато с трехдневным перегаром. Менты его неизменно пропускали, и что-то доброе появлялась в их суровых правоохранительных глазах: сразу видно, человек на работе, бюрократов разоблачать идет... А тут в бане забыл. Неинтересно. Интриги нет.

На кухне мы с гостем синтонно выпили. Синхронно закусили изрядным ломтем лимона. Помолчали.

— Вас как зовут?

— Анастасия.

— Хорошее имя. Анестезия... Попробовал, и больше ничего не помнишь.

— Имя, как имя! — искренне обиделась я. — Между прочим, предпочитаю, когда меня называют — Наст.

— Почему Наст?

— Производное от... Но и — мерзлая корка льда, которая выдержит и человека, и лошадь. Как?

— У-у! — упоминание о лошадях явно пошло не на пользу.

— Что такое? — серодобльно обеспокоилась я. Все ж хозяйка.

— Да спина же! Опять спина... Работа проклятая! Зарплата — через пень колоду.

Сдельщина. Командировки, постоянная смена климата — из жары в холод и обратно.

— Неужели и в зоне вечной мерзлоты тараканы плодятся как... тараканы?

— Тараканы? В зоне вечной мерзлоты?

— Сам же сказал, что работаешь в санэпиднадзоре. — Дурная журналистская привычка — оперативный переход на «ты». Отсутствие манер. Нетрезвая раскованность. Хотя... вроде пьем. Не на брудершафт, но... Пьем, правда, мужнин коньяк. Ну, вечно отсутствующие мужья для того и существуют. Если они есть, значит, нет выпивки. Есть выпивка, значит, не досчитаемся мужа. Закон Паркинсона... Ну так что же с морозоустойчивыми тараканами?

— А, так я неточно выразился. У нашей службы широкий профиль деятельности. Эффективно и в кратчайшие сроки избавляем гражданское население не только от грызунов и насекомых, а от всего, что мешает жить.

— Э-э... кому мешает?

— Людям. Кому ж еще! Не тараканам же с грызунами!.. О, если б вы только знали, Настенька...

— Наст! — осекла я. Не терплю «Настеньку»! — И... давай тоже на «ты», что ли?

— М-м... Попробую... О, если б ты только знала, Наст... — осекся, виновато глянул исподлобья.

Я ободряюще кивнула: давай-давай!

— Если бы ты только знала, от чего люди пытаются избавиться. От обязательств, близких, от себя самого, наконец. Вызвали меня как-то на Лиговку. Хорошая коммунальная квартира. Загаженная только. В одной комнате милейшая старушка подле взрослого сына, в другой — алкоголичка, семь собак и три кошки. Старушка, божий одуванчик, плачет: «Мил человек, убери эту шваль вместе с собачками! Не могу больше — запах псины! Оно, конечно, животные ни в чем не виноваты, но и о людях нужно думать. Ребенку негде отдохнуть после рабочей смены!» Сын ничего не просит, в сторону глядит. И взгляд чи-истый!.. Убрали. Пьянчужка через неделю загнула: метилового спирта от души хлебнула. Собачки на шапки пошли. Хорошие шапки получились. Теплые, ноские, нарасхват. Квартирку мы ей в срок отремонтировали. Живи! Радуйся!.. Через пару недель сын генеральную доверенность от старушки получил, хатку продал, да и был таков. От мамы подальше. Я ее потом на Сенной видел. Червонец предлагала, чтобы ее в больницу отвезли. У самой уже ноги не шли. Рядом целый выводок щенят. Все жрать хотят.

— Отвез?

— Нет. Дважды один и тот же заказ не выполняю. Профессиональная этика. Принцип

работы с клиентом. Выполняем только одно желание, но зато любое. Кстати сказать, за вполне умеренные цены. Прейскурант показать?

— А покажи! — как бы в развеселой запальчивости сказала я.

— Вот...

Да, действительно. Умеренные цены. Впрочем, всё зависит от желания. Если желание *любое* — тогда, действительно, умеренные... И умерь внезапный пыл, Наст. Ты же просто посмотреть... Или?..

Серый гость кашлянул:

— Тут только одна проблема... Побочная... Не для нас проблема, но для клиента. Мы ему исполняем, а он вдруг оказывается к этому не готов. Мы всегда спрашиваем клиента: ты готов? или ты не готов? И переспрашиваем: готов? или не готов?

Готов, не готов. Привет из далекого пионерского детства! Вот, к примеру, я хочу сделать ремонт. Но сначала нужно избавиться от этих шуршащих тварей. Хочу увидеть Париж и спокойно умереть...

Так что тебе мешает?

Что именно? Увидеть Париж или умереть?

Никогда не задумывалась, что хочу больше. Ни когда балансировала на подоконнике девятого этажа, танцуя чарльстон. Ни когда ныряла в горячую ванну, остро касаясь венозных созвездий, ни когда пила горстью мое снотворное счастье. И каждый раз что-нибудь да останавливало. Может быть, то, что у нас самоубийц в стране больше не хоронят, даже за оградой. Последняя новость из электронной сети.

Почему?

Да стал народдохнуть пачками, по щучьему велению, по своему хотению. Одно время молодые семьи обрадовались: не нужно выстаивать очереди на жилье, принеси справку, что оба супруга психически здоровы, и получай ключики от освободившихся хором. С супругами обрадовались и депутаты сто двадцать пятого созыва: квартирный вопрос решался прямо-таки на государственном уровне. Еще и в рекордные сроки.

Но тут как всегда не к месту встряли ученые. Социологи, психологи с пеной у рта изо дня в день убеждали: «Негоже, граждане, травиться, вешаться и топиться. Низ-зя!»

А граждане им в ответ: "Зя, господа хорошие, зя!". Дюже тошно жить на этом свете.

И такая волна суицидов по матушке-Руси прошла, что не в сказке сказать, ни в моргах описать — километровые очереди из покойников образовалась. Дошло до того, что родственники по благу свидетельства о смерти доставали: умер сам по себе, в силу, так сказать, вполне естественных причин. Иначе не хоронили.

Только порядок навели, мировая общественность головушку подняла: а почему у вас люди мрут, как мухи? И поди объясни про российский менталитет, про томление души и прочие национальные изыски. Не поймут! Тут уж в администрации президента затылок посребли, а потом изобрели в духе постсоветского садизма: "Тех, кто не доубился, рука дрогнула, того в психушку с окнами на крематорий. Тех, кто распил со смертью стопочку-другую, — в общую могилу". И вот что интересно: все разом прекратилось. Потому что у нас люди лишь двух вещей по-настоящему боятся: оказаться в дурдоме и не быть похороненным. Недаром деньги копят, начиная с выхода на пенсию. Эта кучка мне на гроб, эта кучка на поминки, эта кучка на удобную обувь, чтобы тапочки не жали. Так что другого человека убить можно, это пока разрешается, а себя нельзя. Не похоронят.

А тебе какая разница?

Большая, как оказалось. Кто сказал, что после смерти все равны?! Почему одному

лаковый гроб и море цветов, а другому ком гнилой земли?! Нет, уж! Если умираем, так с почетом. В отдельном боксе, с удобствами в виде решетки и застывшей фотографии.

Вот ведь, по дуруости лет, думала, что уж мой-то гроб будет завален цветами. В обычные дни их никто не дарит, только в критические — по праздникам и поминкам. А сейчас понимаю, что даже на поминках ничего не будет. Да и никого. Страшно. Так что если бы и хотела умереть, ничего не получится. Распоряжения сверху придется подождать. Пока не заслужила я простой и красивой смерти.

Серый гость вдруг благодушно рассмеялся:

— А убить не хочется? Так, для разнообразия, для забавы, чтобы не скучать. Ведь за это ничего не будет.

Стоп! А вот дальше нельзя. Запретная зона. Моя запретная зона.

Однако, серый гость, однако! Хлебнул Вадюшиного коньяка, поговорил по душам и выдал точный диагноз, который суров и обжалованию не подлежит.

Я действительно хочу убить. Мужа. Родного. Законного.

Только пока не знаю, как. Способов много, глаза разбегаются. И все не решаюсь. Это ведь раньше бабы были такие, коня на скаку... м-м, остановит, и мужа ухватом пришьет. А я — девушка городская, натура нервная, импульсивная, вида крови не переношу. Ну да, не леди Макбет, не Екатерина Измайлова. Ну и что! Я тоже право имею. Хотя бы помечтать.

Но вот напротив сидит серый гость и отлично понимает, что — не только помечтать. Что это случилось. Почти.

— Дети у тебя есть? — спросил, будто по больному нерву попал.

Дернулась...

Я тогда яблочек да лимончиков накупила (теперь витаминов нужно побольше! интересно, что он скажет?!).

Сказал.

Первую фразу я отнесла за счет перенесенного шока. Над второй задумалась. С третьей пошли членораздельные предложения. Выдохнул: "Ты что?" — будто данное зачатие случилось само по себе и было абсолютно вне его компетенции. Потом извечная мужская фраза: "А ты уверена, что от меня?"

Нет у нас детей. То есть могли бы быть. Но... рассосалось.

Он тогда гибко увернулся от пощечины, и — на всю ночь экономическую выкладку с графиками и диаграммами. Не время, дорогая, не сейчас. Потом, зайка моя, у нас будут четыре сыночка и лапочка дочка. Но это потом, а сейчас мне нужно закончить фильм, а тебе устроиться на работу. Не так ли? Кто деньги будет зарабатывать, радость моя? Я?! А как же творчество? Полет фантазии? Кино — удел утонченных натур. Журналистика — для тех, кто желает подзаработать. Не заработать, а бабок срубить на халяву. В общем, есть творчество и не творчество. Твои вчерашние новости прекрасно переводятся в сегодняшние доллары, но завтра они будут никому не нужны. Я нужен всегда. ИСКУССТВУ.

А кому была нужна я? Нет, я крепилась. День, два, неделю. Жевала безвкусные яблоки и убеждала себя, что это он от растерянности. От растерянности он и Лику привел, как реальный и сексапильный пример бизнес-вумен:

— Сообразим на троих?

Сообразили. Полночи он уговаривал меня повременить, потом к беседе подключилась

разомлевшая Лика:

— Ася, ты о себе подумала? О Вадике подумала? На что жить собираетесь? Ребенок — это не котенок, это навсегда. А Вадиму фильм нужно заканчивать, брэнд делать. Ну вот, ты даже не знаешь, что такое брэнд. Это ИМЯ, дорогая моя. У мужчины должна быть любимая работа, любимая женщина и своя terra incognita. Понимаешь? Если он упустит шанс — то всё. Другого уже не будет. И terra incognita перестанет быть таковой... Вад, но ты и об Асе подумай. Ей сейчас тяжело. В ее положении и такая нервотрепка. Ты муж или не муж? Подойди к жене, приласкай. Вот так, ребята, вот так. Смотрю на вас, и сердце радуется. Какие вы хорошие, дружные, давайте выпьем...

Ведь знает, что мне водки нельзя. Я после нее выключаюсь ровно на десять часов. Проверено. Но тогда от холода очнулась, он на кухне форточку не закрыл. Спросонья в комнату вошла, а там давно полная идиллия. Спят голубки, сплелись волосами.

Вот так наш диван и стал диваном на троих — а третий всегда лишний. Что мне оставалось делать? Его убить? Ее? Себя?

Выбрала самый простой вариант, за который тогда еще не сажали. Клин клином вышибают. Чтобы победить боль, причини себе другую, более сильную.

Укрыла лучшую подругу и супруга одеялом, собрала пеленочку, простыночку и поехала. Напоследок обернулась, эдакая жена Лота.

Он вдогонку моргнул: получилось, у меня получилось! Показалось, или нет? До сих пор не знаю.

Это не ад. Это предбанник ада. Тридцать баб от четырнадцати до пятидесяти сидят и молча ждут решения. Час, два, три. Пятнадцать пойдут налево, пятнадцать направо, к выходу. Все дороги ведут в одно и то же место, называемым нижним. Потом по одному, своеобразный путь на Голгофу.

— Женщины! Мы ж не железные, мы не варвары, мы в день более пятнадцати делать не можем! — И тянут резину. С привычных и гибких пальцев: — Вы понимаете, милочка, что при такой ситуации это ваш единственный шанс?

— Какой такой ситуации?

— Резус-конфликт, дорогуша. Как только живут, ничего не знают! Первого вы родите, это я вам обещаю, если одумаетесь, конечно. А вот второго — проблематично. Впрочем, можете, но не от мужа.

Ах, не от мужа? Что ж, сделайте мне красиво. Не больно.

— Не больно не получится. Платите в кассу и спускайтесь вниз.

Там тоже не ад. Там раздевалка и очередь. Бедро о бедро, плечо о плечо, и шепот:

— А ты здесь почему?

— По тому, что и ты.

Мое дело, моя боль. На дворе минус пятнадцать, а мы ждем своей очереди. В длинном черном коридоре, где почти нет света. В эти глаза лучше не смотреть. В мятых халатиках, с прокладкой в руке мадонны жадно затягиваются сигаретой. Ждут.

— Следующая!

Особенности национальной медицины: одной делают, другая смотрит. Одновременно с ужасом, с тайным восторгом. Смотрит на ноги в ажурных носочках. Стройные, гуттаперчевые, ноги красивой куклы, которая так и не успела стать женщиной.

— Дама, отвернитесь. Как не стыдно подсматривать!

О! Врач-ригорист! Лучше бы не курил!

— Вас не шокирует, что я курю? Нет? Вот и славно. А знаете, что любил повторять

Люцифер перед тем, как его скинули с небес: девочка моя, грехи осторожно, и тебе воздастся. Расслабься. Закрой глаза и думай о чем-нибудь приятном, к примеру, о Париже.

В тот момент, когда я снова подумала, что хочу убить, сквозь вату неслышно приоткрылась дверь.

Добро пожаловать в ад!

Все-таки сильны мы, бабы, правду о нас иностранцы говорят. Сама тогда до дома доковыляла, постирала, обед приготовила.

В квартире тишина. На столе записка: "Буду поздно". И Ликина приписка "Ася! Спасибо тебе за Васю!", в смысле, за Вадюшу.

Эх!..

Он ворвался ровно в полночь, продумав каждую мизансцену, с копеечной погрешкой в руках:

— Аська, я все понял, осознал! Пришло озарение. Пускай он будет. Я его за ручку водить стану. И мы снимем фильм: "Моя кроха и я". Такого еще не было, сплошной реализм и с минимальными затратами. Гляди, чего я тебе купил.

...Орал он несколько часов подряд. Весьма виртуозно, надо признать. Как я посмела, без его ведома! Это ведь и его ребенок... был! Не мне решать вопросы столь высокого уровня и глобального масштаба. Вот и Лика того же мнения. Идиотка! Кто? Да я, разумеется. Ведь он уже обо все договорился, всем рассказал. Они даже смету на новый фильм прикинули. Полный верняк! А жена приходит и говорит: рассосалось. Что характерно, назло ведь сделала. Чтоб побольнее.

А в общем-то все нормально, нормальный семейный кошмар. Все так живут. По статистике, каждый пятый супруг хочет убить свою половину. А каждый второй — чтобы она, эта половина, просто исчезла. Ап! И готово! Как кролик из шляпы. И вот что забавно, ведь действительно исчезают, а еще чаще надоевшую до колик и озноба половину просто устраниют. Физически. Операция без наркоза, где выживает сильнейший.

Остановили недавно дамочку в "опеле", а в багажнике труп муженька. Ее спрашивают, как он там оказался? А она отвечает, откуда мне знать, это его машина.

Способов ведь много, дамский ум — он короткий, но от этого не менее длинный. За примером далеко ходить не нужно. Желаете доказательств? Так вот они! Прославленная королева детектива. Агата Кристи, которая свои книжки писала отнюдь не ради славы. Хотя, конечно, слава и деньги тоже сыграли немалую роль. Все эти Пуаро и мисс Марпл были придуманы только лишь затем, чтобы случайно не отправить первого мужа к праотцам. В интервале между ленчем и покупками.

Потому-то она и посуду никогда не мыла. Зачем? Он, родимый, сам, пухлыми ручками ровно в фэйф-о-клок растворял каплю «фэйри» в холодной воде. И шкрябал британским ершиком по сковородке. Качественно шкрябал, до блеска. А почему, спрашивается? Изучайте статистику, господа.

А судебная статистика гласит: ни одна жена не застрелила мужа в тот момент, когда он мыл посуду. Понимаете, ни одна! Вот! Так что английская леди была права — это действительно такое дурацкое занятие, что поневоле приходит мысль об убийстве.

Да... Мужские варианты куда банальнее. Особенно, когда они мужские лишь наполовину. К примеру, Гришка Распутин. Ну жил, приапизмом страдал, кончить не мог. Трагедия? Трагедия! А на фоне всей страны — так и вовсе катастрофа. Бабы млеют, очереди с четырех утра на прием к старцу занимают. Рогоносцы дергаются, скандалят. Бедлам, да и только. Бунт в

царских покоев. И появилась таки кучка добровольцев, желающих с девяти до двенадцати совершить подвиг. Желательно, пострашнее, покровавее. В итоге дворянские низы торжественно постановили: убить сластолюбца. Убьем, и все наладится. Мы ради России готовы и пострадать.

Но вот незадача, на глобальную задачу псевдомужики вызвались — Юсупов, Пуришкевич. Возьми, да и придумай: отравить. Дамский способ какой-то. А он, зараза, пирожных почти не ест. У него от них изжога. И стреляли, и травили — живуч Распутин, дизель машин. Убийцы давно в штаны наложили, а он им из проруби пальчиком грозит: нехорошо, детушки, нехорошо малые. Всплытие показало — долго он им грозил.

То ли дело — наши бабы. Помнится, поехали на труп. Меня опера как девочку-стажерку с собой прихватили. И поспорили на бутылку "Столичной", стошнит журналисточку или не стошнит. А мне что, я так или иначе эту "Столичную" выпью, если совсем худо станет.

Приезжаем. Нормальная питерская еврейская квартира: в меру грязная, в меру с претензией. Посреди труп. Мужской. Позади него еще один — женский. На диване покачивается тетя Сара:

— Ой, Моня, да на кого ты меня покинул? Шо я без тебя делать-то буду?!

Ее спрашивают:

— А это кто там на задворках вашего семейного очага?

— А я знаю? Случайная блядь мужа. Ой, Моня! — и далее по тексту.

Я заинтересовалась, чем это она его так. Оказалось, ножом разделочным. Он даже не сопротивлялся. Сарочка ведь лучше знает, как лучше. Но ведь спроси ее, за что. Ответ окажется самым заурядным.

Или нет? Чужая душа потемки.

— А ты за что?

Не за измены. Чего уж там, сама не без греха (с кем сегодня обжималась по углам? то-то!). И не из-за денег, и даже не из-за коммунального дивана, будь он неладен. В общем, и тараканы, если подумать, здесь не при чем. Пускай себе ползают. Я ведь без него не могу, без Вадюши. Уже восемнадцать лет им живу, и чем хуже мне с ним, тем сильнее чертова привязанность. Даже к врачу ходила. К психотерапевту.

Он мне:

— Только не нервничайте!

Я ему:

— Доктор, какие, к бесу, нервы! Я сдохну скоро!

Дама, не нервничайте!

М-да, у нас специалисты, послушав подобные бредни о психологической зависимости, моментально ставят диагноз: параноидальный бред. В Америке же люди на этом состоянии себе делают, книжки пишут. Даже название красивое придумали: синдром Мэрилин Монро. Мало куколке при жизни было, так еще после смерти покоя не дают.

Это не бред! Это правда.

Живут на свете женщины, которые из раза в раз интуитивно выбирают не тех мужчин. Влюбляются без памяти, прирастают к ним всей кожей с мясом, намертво прирастают. Избранники в ответ снисходительно позволяют себя холить и лелеять. И вот что странно, с Монро каждый из них незаметно становится подлецом, черпая в такой суррогатной страсти особое наслаждение. Черпает, пока не надоест. А после уходит. Навсегда.

В каждом из нас сидит либо жертва, либо убийца. Монро — всегда жертва. Замкнутый круг до последнего вздоха. Загнанных лошадей на переправе не меняют! Зачем? Их просто

пристреливают.

Можно ли избавиться от синдрома? Мне говорили — да. Есть один шанс из тысячи: сознательно отказаться от любимого, не видеть его, ни слышать. Выбирать только тех, с кем спокойно, тошно и неинтересно. Психологических двойников, чей запах только усиливает рвотный рефлекс. Ничего, потошнит и перестанет. Стерпится-слюбится. Тогда и появится твой последний шанс — выжить.

Но как можно не видеть собственного мужа, если живешь с ним под одним одеялом, обстирываешь его и кормишь купленными по случаю деликатесами?! Как??? Выход только один — убить.

Убью — и легче станет. Ведь это не жизнь, а каторга. Из дома и то не выйти! Как выйду — дергаюсь. Вдруг позвонит, вдруг с ним что случится? А меня нет рядом. Да, я завишу от него — психологически, эмоционально! Ну так и что?! Да ничего... Плохо мне.

Родственники до сих пор пальцем у виска крутят: что ты нашла в этом алкоголике и бабнике. Ответить? Я в нем себя потеряла. Первое время он даже в мои сны проникал, воруя сюжеты и имена, пока они еще были. Теперь я сплю без грез и фантазий, их нет.

Сперва я сама уйти хотела, но Вадюша как чувствовал: всегда являлся ко мне небритым мессией и неторопливо спасал. Кровь льется, вода хлещет, а он спа-а-сает! Красота! После, правда, попрекал, называя Кошеем Бессмертным. Мол, в день своего рождения Кошеешка развлекался, как хотел: вешался, травился, топился. Так и я. После очередной попытки бегства сказал: "Ася, ТУДА я тебя не отпущу. Мы с тобой теперь связаны, на вечность и еще один день". Вдруг мне действительно станет легче, если его не будет? К черту вечность, хотя бы один день прожить без него!

Люди добрые, я ада боюсь. Однажды у дверей постояла — так страшно стало. Пусть лучше он сперва на разведку ходит. Убиенные мужья, говорят, потом возвращаются. В виде духов, привидений, гуляющих саванов. Вот Вадюша все мне и расскажет. А, может быть, даже и покажет. Вопрос на засыпку: "Что вы сделаете на следующий день после того, как станете вдовой"? Ха! Соберу все его носки и вынесу на помойку. Почему носки? А не нравятся мне они. Дюже смердят! А потом я сделаю ремонт, выведу тараканов и отправлюсь в Париж. Да, господи! Если сделаю ремонт и выведу тараканов — на кой мне твой Париж! У меня здесь свой Париж будет! Вот тогда и поеду на Елисейские поля! Специально, чтобы сравнить — мой с ихним. И сказать небрежно: "Да ничего особенного! Мой лучше! Праздник, потому что. Который всегда со мной." Но... все-таки предварительно съездить! Непременно съездить! Все-таки там французы... Все бабоньки виртуально от них млеют (впрочем, как и расейские мужички от длинноногих француженок!)

Парле ву? Парле фи!

Кто их видел, кто их знает?! Лягушек едят, на грузин похожи, только скупые, а не щедрые. Но: ах, французы! любовь моя! Париж — любовь моя!

Не-ет уж, мухи отдельно, котлеты отдельно. В Париж все поголовно влюблены не потому, что там французы, а потому что он — Париж. А французы, паразиты, пользуются тем, что в нем живут: "Мы парижане! В нас влюбляются просто на лету! А любят нас как! О, ка-ак!.."

Влюбиться легко, полюбить сложнее, привыкнуть — проще простого. Вот только как потом избавиться от этого чувства?

После свадьбы я бродила за мужем собачонкой и поскуливала: "Милый, трахни!"

И он, мимоходом раздвигал мне ноги, впрыскивая в меня свое безвкусное семя. Как в резиновую куклу, молча. Я даже сопения не достаивалась. А спустя полчаса опять к нему подползала, ненавидя и желая.

Как хотите, это называйте — хоть любовью, хоть страстью. Суть нисколько не меняется. Это наркотик, избавление от которого означает ломку. Но одно дело, когда знаешь: все, его больше не будет, и совсем другое, когда спустя год, десять лет после реабилитации ты думаешь, что, наконец, излечилась. И тут — бац! И он вновь возникает на твоём пути: «Здравствуй, малыш, это я, твой кошмар. Иди ко мне!» И ты, бросив все, плача от радости и ненависти, ползешь к нему: наконец-то, милый, как я по тебе соскучилась.

Вот этого я и боюсь, Потому что, уходя или не уходя, все равно вернусь к нему, источнику моего существования. И либо не будет его, либо меня, либо нас двоих. Но я-то умирать не хочу, я хочу получить все, за что заплатила.

Чем?

А не ваше дело! Хотя бы жизнью того эмбриона, которого выдернули из матки и отправили на съедение абортарным кошкам. Я заплатила! Так, черт подери, выполняй этот контракт, и не в душе дело. Просто этот ад на земле я больше не в силах вытерпеть.

Ад, когда при перемене погоды пульсирует маленький сгусток внизу живота. Точнее его фантом.

Ад, когда муж возвращается со съёмок, и ты разогреваешь вчерашний суп. А на полке — белый порошок. Легкое движение, борщик превращается, превращается борщик... А на второе — рыбные консервы, пролежавшие на балконе неделю. Жара. Июль. Ботулизм. А что у нас на десерт? (Сосед рецепт подсказал, милейший пьяница-интель. Вы, Настасья Николаевна, Веничку Ерофеева читали? Ну как же так! Он, знаете ли, предложил замечательный вид непредвиденной смерти. Оса в бутылке вина — укус в горло и смерть от удушья...) В коробке который день бурчит большой полосатый мух, вино подкисает в холодильнике. А я все еще не могу сложить правильную картинку в кубике моей и его жизни. Или не хочу?

Ад, когда ты просыпаешься и понимаешь, что ничего более интересного, кроме ненависти, в твоей жизни не будет. Нельзя жить дальше, когда знаешь, что тебе НЕ ПОВЕЗЛО. Так говорили древние.

— Разве это ад, Наст?

— Ад!

— Что ТЫ знаешь об аде?

Эх, поразим гостя своей эрудицией. Почти не напрягаясь, память выдает заунывную справку: "Представления об аде (противопоставляемом раю), имеющие своими предпосылками формирование понятий о дуализме небесного и подземного, светлого и мрачного миров, о душе умершего (резко противопоставляемой телу) — в сочетании с возникновением идеи загробного суда и загробного воздаяния — сравнительно позднего происхождения". И всё на одном дыхании, полузакрыв глаза.

Он все-таки поперхнулся:

— Настасья Николаевна, где вы понабрались эдакой пошлости?

— Где-где! На факультете журналистики, разумеется. Недаром сие замечательное заведение расположено в бывшем борделе. Преемственность поколений соблюдена. Первая древнейшая передала эстафету второй древнейшей, кстати сказать, не менее важной для общества. Зря, что ли, я внимательно прослушала курс лекций по зарубежной литературе? Нет! А поскольку все мы тогда были помешаны на сатанизме, то в период знакомства с дантовым адом изучали и другие литературные источники. Всегда полезно заранее узнать то место, где рано или поздно окажешься на вечном поселении, причем в весьма неплохой компании. Ух! Я для чертяк такую рекламную кампанию бы провела. Как вам, к примеру, слоган: "Ритм смерти ощути в нижнем месте". В аду, то есть. А вы о чем подумали?

— И как тебе ад господина Алигьери?

— Ты меня так спрашиваешь, будто я вернулась оттуда только что — с шоколадным загаром и массой волнующих впечатлений. Впору подружек на чашку чая собирать, разложив на столе глянцевые фотографии: "Девочки! Это что-то. Всем рекомендую. Там такие горячие парни! И неутомимые! И пряткие! Жаль, королевство маловато, разгуляться негде. Даже вечности на все про все не хватает." Увы, оттуда живыми не возвращаются. Так что пока я пребываю в творческих раздумьях, не знаю, в отеле какого круга стоит остановиться. Рекламный проспект советует не слишком привередничать — брать то, что дают. У каждого греха свои недостатки, но мне плевать. Первый, пятый или девятый. Впрочем, может быть, я окажусь в православной преисподней, с сосущими червями и гигантскими комарами. Нас же, судя по всему, отсеивают не только по религиозному, но и по национальному признаку.

— С чего ты это взяла? Надо же так блудить, чтобы в конечном итоге заблудиться не там, где надо! Подумай, как просто и неинтересно — оказаться именно в той заднице мироздания, в какой и предполагал, да еще предварительно изучить все туристические маршруты и затерянные тропы, узнать заранее, на что будешь обречен, и вдобавок получить страховой полис.

Ад — не просто мука вечной смерти. Это изощренная мука со множеством нюансов и полутонов. Ты хочешь, чтобы и после физической смерти все было для тебя понятно — тут черное, а там белое? Но разве так бывает, Наст? В жизни?! Тогда что говорить о смерти, которая, согласно вашим преданиям, сторожит вход в преисподнюю. Она куда как сложнее и многограннее.

— Почему же? Смерть проста и поэтому изысканна в своей простоте. Любой из нас, богатый и бедный, старый и молодой, знает, что он умрет. Знает, и, тем не менее, цепляется за соломинку: вдруг кто-нибудь уйдет раньше него. Пусть я умру, но на день позже! Хочу увидеть труп моего врага. Что же здесь сложного?

— Банальное суждение, Наст. И бессмысленное. Напоминает одну из лучших шуток падшего ангела. Шутку, которую он так любит разыгрывать в беспечных снах на изломе ночи. Ад — не что иное, как постоянная импровизация Люцифера, игра самого великого трюкача. Соло. И оно лишено всякой логики. Какая может быть логика, если на кон поставлена вечность! И кто тебе сказал, что в этой последней для тебя игре будут играть по правилам? Тем более, твоим? Думаешь, оказавшись ТАМ, без опыта, связей и веры, напичканная теологическими бреднями, сразу решишь все свои проблемы? Хотя бы ненадолго, хотя бы на вечность? Ага, конечно! Кто даст тебе гарантию, что ты вообще умрешь? Смерть — только иллюзия. И тогда твой личный ад — продолжение скучной бессмысленной жизни, балансирование на грани убийства и самоубийства. И так — каждый день, каждую ночь. Вдумайся, так будет ВЕЧНО. Это здесь завтра может быть лучше, чем вчера. Послезавтра — веселее. В аду же — никогда! Все расписано на сотни тысяч дней вперед. И еще на столько же. Не хочешь? А кого, собственно, волнуют желания еще не старой, но уже уставшей, женщины? Даже тебе на них, похоже, плевать...

Серый гость замолчал в зеркало, где уже давно не отражалось ничего, кроме осколков моей жизни. Лицо, бесстрастное и неподвижное (серое! серое!), вдруг изменилось.

Так меняются человеческие черты накануне перемен или фатальных разрывов; когда балансируешь на невидимой грани и понимаешь, что еще чуть-чуть, и... И упадешь... Нет, не в бездну, а в бездонную кроличью нору. И на твои белые накрахмаленные панталоны брызнет алый клюквенный сок. (Ой, кр-расота! Стр-рашная сила!)

Так меняются лица любимых за минуту до пробуждения. Целуешь его в изгиб сонного рта, пытаешься удержать последнее мгновение близости: вот он еще принадлежит тебе, только

тебе, но, проснувшись, он в лучшем случае выберет себя, в худшем — пудовый багаж с черно-белой биркой «ЖИЗНЬ». И все снова пойдет по-прежнему. (Ой, снова кр-расота!)

— Хочешь, паузу? — он точно угадал спазм ночной тоски, сплетенный с ночным дождем. Вкрадчиво включил телевизор, по-домашнему нажав серой лапой на старенький пульт.

Этого фильма я не видела уже лет десять. Все артисты давно отошли в мир иной, не получив за скандальную постановку и ломаного гроша. Что уж говорить о государственных наградах. После скандала и перемывания косточек картину положили на полку закрытого фонда. До лучших времен. И автор пьесы, сумасшедший серб, так и не стал Нобелевским лауреатом. Ловец чужих снов — сознательно остался на задворках престижной премии. Единственное, что ему позволили, — выпить стакан хорошего коньяка перед сотнями телекамер.

Пьесу поставили только один раз, у нас. Тогда мы сочувствовали сербам, и фильм сочли хорошей идеологической поддержкой. В сравнении с ним "Последнее искушение Христа" или же "Житие Брайана" — детский лепет. И дело здесь совсем не в ереси. А в том, что старая пленка выжигала судьбы и имена, оставляя лиловые дыры. Фильм-убийца, шедевр, которого мы все боялись. Десять лет — и все изменилось. Сегодня страх иной. В нашем 2018 году боятся не удушья и душевных разломов, боятся оказаться не такими, как все.

Экран вспыхнул в тот момент, когда принцесса АТЕХ, заглянув в матовое зеркало, увидела кладбище, заросшее жухлой травой.

По влажной после дождя земле ползали костяные черви, ища себе новое прибежище.

Атех, морщась от гнили и липкого запаха акаций, с трудом пробиралась по лабиринту полустертых имен. Пирамиды гробов рассыпались от шелеста ее платья, превращаясь в зеркальную пыль.

Посреди кладбища, у единственной, не тронутой временем и человеческой совестью, могилы сидели трое. Серый, черный и безликий. Они старательно вдыхали горькие, пропитанные никотином, слова, и так же старательно не замечали близмигающей телекамеры.

Еще один исторический мазок — и размытый разговор будет закончен.

И тогда вне всякого сценария и мужской логики Серый сложил дудочкой губы и со свистом втянул в себя гибкую фразу:

— *Здесь сходятся границы трех загробных миров: огненное государство Сатаны с девятью кругами христианского ада, с тронном Люцифера и знаменами владыки тьмы, исламский ад с царством ледяных мук Иблиса и область гевары с левой стороны от Храма, где сидят еврейский боги зла, возделения и голода, геенна во власти Асмодея. Эти три ада существуют отдельно, граница между ними пропахана железным плугом, и никому не позволено ее переходить. Правда, эти три ада вы представляете неправильно, потому что у вас нет опыта...*

— *Да, ты прав, у них действительно нет опыта и веры. — Черный задумчиво баюкал юркие, словно ящерицы, сны на огромной ладони.*

— *Они ничего не знают и искренне заблуждаются в своем незнании. В еврейском аду корчатся не евреи. Там из века в век горят лишь арабы и христиане. Точно так же и в христианском пекле нет христиан - в огонь там попадают магометане и дети Давида. В магометанском аду страдают только христиане и евреи, ни одного турка и араба там нет и не будет.*

Безликий выпустил в траву чеширскую улыбку:

— *А теперь представьте себе исламское небо над адом, в котором внезапно окажется*

обезумевший от страха христианин! Вместо Люцифера он встретит там Иблиса, ненавидящего огонь, и пройдет по ледяному насту времени, навстречу...

Навстречу чему?

Титрам, разумеется. Титры полагаются в конце каждого фильма. И не только фильма.

Мы выключили телевизор и выжидающе уставились друг на друга.

Три часа ночи. Коньяк выпит. Мужа нет. Пора бы, как говорится, и к делу.

Ликвидатор понимающе кивнул, и торжественно перешел к единственной проблеме, абсолютно нас не волнующей:

— Так вы на тараканов жалуетесь?

— Жалуюсь! Меня все устраивает в этой жизни, кроме тараканов.

— Предлагаю замечательное радикальное средство. Таблетки-супер, избавляющие вас от насекомых всего за несколько часов. Быстро. Просто. Эффективно. Навсегда. Запатентованный яд, убивающий любую назойливую живность. ЛЮБУЮ!

Достал из портфеля аккуратную коробочку.

М-да, дизайн "Виагры" просто отдыхает. В упаковке две капсулы: розовая и голубая. На каждой витиеватая надпись: "Применять согласно способу применения".

— Объясню принцип. Розовая — для самок, голубая — для самцов. Слегка смачиваешь в подслащенной воде и кладешь на блюдце. Ловушка готова. Таракан, почуяв приманку, бежит к пилюле, заражается сам и, тем самым, заражает сородичей. Понятно? Нет? Какая все-таки бестолочь, хоть и умная! Ну, семья у таракана есть? Есть! Он с ней общается, с семьей? И общается тесно. То же самое и происходит и с тараканихой. Она тоже общается со своими сородичами. Всякой твари должно быть по паре. То-то же. Процесс происходит сам собой, несколько тактильно-поступательных движений — и в дамках. Остальное — уже детали. Утром только и останется, что взять веник и вымести рыжие трупики. Они жили долго и счастливо, и умерли в один день. Гарантия — полгода, после требуется повторить. Для профилактики. Берешь?

— Беру!

— Сколько?

— ВСЕ!

— Вот разговор деловых людей. На! Бери...

У дверей обернулся:

— Кстати... Так, для сведения. Мо-о... может, пригодится. На людей они не то чтобы не действуют, но... Конечно, сильный яд, но, прежде всего, для членистоногих. Человек проглотит и даже не заметит. Сперва. Следов в организме не оставляет. Рассасывается моментально. Смерть наступает спустя несколько часов, в силу вполне естественных причин. Перед употреблением лучше растворить в алкоголе. Для верности. Впрочем, на человека, как я уже сказал, не действует. Так что ни о чем не думай... ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО... Ты поняла, НАСТ?

Я поняла. Правильно поняла.

Ушел. А я осталась. С таблетками в одной руке, и с пустым стаканом в другой. Еще целый час. Еще можно подумать и решить.

Иметь или не иметь.

Леди Винтер, а что вы всыпали в бокальчик?

После узнаешь, после...

ИНТЕРМЕДИЯ

Из точки А в точку Б вышел Х. Ему навстречу — из точки Б в точку А направился У. Вопрос: почему они не встретились? Ответ: потому что не судьба.

Ненавижу это слово. Судьбе люди уделяют слишком много времени, и чересчур много внимания. Чуть что, и замечательное оправдание готово. Не судьба. Не получилось, не сошлось, не срослось.

Вот и у меня сегодня не получилось. Проект века благополучно канул в Лету. Буль-буль, только пузырьрики пошли. И все — оставь надежду всяк сюда входящий.

Как он, спонсор доморощенный, сказал: "Не суетись, парниша, снимай свое порно и гляди задорно. Голых девок любят все. Такое жесткое время, дорогой!".

И то правда! Кому нужны сегодня мелодрамы высокого уровне? Да и не мелодрамы даже, а истории любви? Это лет восемнадцать назад народ заливался слезами, вспоминая о том, как умели любить великие. С размахом, с изюминкой, надрывом. Сейчас гораздо проще и безопаснее присоединить проводки к вискам и паху, включить видео и... наслаждаться.

Блин, да чем наслаждаться?!

Кусками подмакияженной потной плоти, профессиональными подвываниями и косым взглядом исподлобья: "О! Тебе нравится, как я ЭТО делаю, тебе нравится, чем я ЭТО делаю, тебе нравится, с кем я ЭТО делаю. Да?" ДА! И белесый фонтан — крупно. Фонтанчик. Бахчисарайский... Суррогат в натуре.

Ну и кому сегодня нужна любовь? Может быть, только нашему догу со съемочной площадки, мраморному и усталому, похожему на изношенный рваный башмак. Смотрит, собака, будто просит о чем... Щен, какой же ты глупый! Нашел чем на жизнь зарабатывать! Впрочем, чем ему еще зарабатывать? Родословной? Когда Аське о нем рассказал, она посмотрела на меня, словно на умалишенного и... промолчала. Но как промолчала! Что-что, а молчать моя жenuшка умеет. Профессиональная выучка. Молчать и слушать, молчать и слушать. Но если заведется — не остановить. Тайфун "Настасья"! Слышали? Нет? Ваше счастье. Встретив, лучше переждать. Одному. В сторонке.

Так! Надо все-таки выпить, а то ведь по легенде у меня очередной сабантуйчик. С ритуальными танцами, обжиманцами и любимыми песнями работников отечественной порнографии: "Ура! Ура! Меня ведут вводить. В курс дела". Два часа ночи, а еще ни в одном глазу. Сперва съемки, потом эта деловая встреча в кабаке. И ни секунды на расслабон, нельзя, пока нельзя. После. Попробуй, приди домой трезвым, ведь вообразит бог знает что!

Это ведь раньше, звоню по телефону. Говорю: «Занят! Срочное дело! Буду утром!» А она: "Дело, да? Уже нажрался, да? Сволочь, да?" И как почувствовала? Только по запаху! Блин, что у нас за телефон такой, с запахом!

А теперь все наоборот. Приди трезвым — истерику закатит. Ей со мной с пьяным спокойнее, комфортнее, суше. Вон и Лика туда же: я, говорит, тебя такого боюсь. Лучше хлебни.

Хлебну! Назло! Вам, бабоньки, назло. Пьяным меня всякая полюбит, а ты меня настоящим попробуй. Слабо?

Эй, гарсон, человек, половой! Как там тебя! Водка есть? А пиво? А коньяк? А джин? Во времена наступили — все есть, а ничего не хочется! Значит, двести коньяку, что-нибудь на закуску и не отсвечивай.

Ага! Вот и культурная программка подоспела: все как полагается, девочки в стиле а-ля рюс, мальчишки в стиле экзотик, псевдо-битлы, псевдо-Высоцкий. Все тот же суррогат. Эх,

раньше здесь девочка была, Женечка, пела так, что... По-настоящему пела, сердцем, если угодно. Я, когда слышал ее "Прощальный блюз", в сторону отворачивался, чтобы никто моих глаз не видел. В горле першило. Слава Богу, нашлись люди, вытащили ее из этого бардака. Профи! Самородок! Где он теперь? И кто сказал, что таланту надо помогать?! Иногда такая помощь приобретает необратимые последствия.

Профи! Мне же этого никто не скажет. Только полный идиот, посмотрев "Большую глотку" и "Капкан для большой глотки", оценивающе поцокает языком: "О!"

А что, собственно, о? Тинто Брас, хренов! Вот тебе и "О!". Черт побери, а ведь была мечта-идея: снять фильм, хороший, нежный, без единой постельной сцены. И даже без поцелуя. А то, как в том самом анекдоте, выходишь со студии... и сразу радость со слезами на глазах: кругом лица, лица, лица. Баста! Просто он и она.

Идейка на поверхности лежала, Аська подняла и подарила в очередной момент полуссоры-полупримирения:

— А знаешь, почему люди расстаются?

— Почему?

— Потому, что больше не могут быть ВМЕСТЕ. Рядом, сколько угодно, а вместе — нет.

Мне даже сон приснился, вещий. Открываю дверь — круглый стол. За столом несколько человек. Нагая женщина на огромном звере. Председатель в черном капюшоне.

Меня спрашивают:

— Вы анкету заполнили?

Тупо шевелю языком:

— Какую такую анкету?

— О приеме на работу. Мы предлагаем выгодный контракт, на ОЧЕНЬ длительный срок. Какие условия вас устроят? Хотите женщин, денег, власти? Хотите славу и неоновую вывеску в придачу?

— Хочу ФИЛЬМ!

— А что взамен можете?

— А что надо?

— Душу.

— Легко! Возьмите!

— Не вашу, милейший, женскую. У них кислотно-щелочной баланс другой.

— Да ради Бога! Берите любую! Не жалко! ФИЛЬМ дайте снять!

Смеются: теперь ты наш! наш! наш!

Проснулся и поверил — все смогу. Но, видно, что-то там не сложилось, не нашлось души, способной за меня отправится, куда только попрошу. Не нашлось.

А ФИЛЬМ? Что фильм... Он не коммерческий, а, следовательно, не имеет никаких шансов на рождение. Жаль. Со времен "9 1/2 недель" и еще нескольких пристойных love-story, мировой кинематограф так ничего не создал. Отечественный, тем более. И не в деньгах тут дело, хотя и в них, если подумаешь, тоже. Царь Никита давно узурпировал изменчивый мир سینема. Усатый, постаревший секс-символ сам решает, кому и что снимать. В смысле, кино. Учебники, интернетные интервью, советы молодым да ранним. Классической любовной сценой считается та самая, из бесконечного цикла двадцатилетней давности — "он русский, и этим все сказано".

Герой смотрит на героиню. Героиня медленно раздевается. Герой смотрит. Героиня, наконец, разделась.

А что же наш герой, русский по крови? Герой — в глубоком обмороке.

Вот тебе и современная трактовка примерка эро-о-отического костюма.

Ох, Джулия, ты бы его хоть погладила!

Эротические костюмы примерять больше не хочу, надоело. Тошнит. Вид одетой женщины возбуждает гораздо больше, чем мини-бикини современных европейских кутюрье. И снимать буду не порно, а ФИЛЬМ. У меня уже сценарий готов, эдакая циничная история любви, бабы точно будут рыдать, мужики материться. Все, как и полагается. В основе — письма. Чужие. Не ко мне, не мои. Сам не умею. Трахать, пожалуйста, а вот... любви не научили. Аська как-то затравленно посмотрела на меня: «Ты настолько безэмоционален, что даже элементарную глупость совершить не можешь».

Ан нет! Могу, оказывается, могу. Как еще назвать то, что я собирался сделать: снять фильм про собственную жену. Анатомию чувств. Разложить супружескую измену по кадркам и дублям. Дойти до кульминации, чтобы потом в темном зале понять, зачем она это сделала.

Если бы она об этом узнала, точно бы убила. Но ведь узнала бы... Ту трещину так и не склеить, ни "Момент", ни "Спрут" нашему браку не помогут. Я же вижу, как лицо у нее меняется, когда к книжной полке подходит. ЕГО книг она никогда не читает. Легче бритвой по сердцу провести... А тут такой подвох, родной муженек выкинул фортель.

На вот тебе.

За что?

А за то! Сама знаешь! Но, видно, есть бог или, может быть, черт, не дали...

— Здесь свободно?

Молчу. Многозначительно. Добро б еще, ночная бабочка прилетела на мягкий коньячок и «Мальборо». А тут мужичонка, весь в сером, гнилостный какой-то, пух пучками на шишковатой голове, глаз мутный. С пивом в руке и портфелем под мышкой.

— Здесь свободно?

Что с ним поделаешь, да и одному пить как-то не пристало. Я ведь не алкоголик, я бытовой пьяница! Прошу не путать.

— Пожалуйста.

Изображать вежливость гораздо легче, чем быть просто вежливым. В конце концов, пускай мужичок пивка попьет в компании расейского Тинто Браса, будет потом, что вспомнить на старости лет. Времени у меня еще много, раньше четырех домой заявляться бессмысленно. Весь сценарий поломаю.

— Вы не торопитесь? — голос хриплый, бархатный. Ему бы по телефону дамочек соблазнять. Дамочки сами бы в штабеля укладывались, с удовольствием раздвигая пухлые ножки. Тьфу! Договорились же, о порно — ни слова. А почему его так интересуют мои планы?

— Нет. Некуда мне торопиться. Сижу пью, напряжение снимаю. Встреча неудачная оказалась. Хотелось жизнь переменить, да не получилось. Жаль. Отчаянно жаль.

Он улыбнулся:

— Вы и отчаявшийся? Судя по всему, этот отчаявшийся человек чувствует себя вполне нормально. По крайней мере, выглядите вы, как вполне преуспевающий бизнесмен среднего достатка. Неплохой костюм, сотовый телефон, очки в золотой оправе. Не хватает только одной детали, чтобы образ казался завершенным.

— Какой же?

— Обручального кольца. Женаты?

Блин! Ну почему все хорошие посиделки рано или поздно кончаются именно этим: выяснением моего семейного положения?! Причем неважно, пью я с товарищами по цеху или случайной женщиной. В первом случае разговоры крутятся вокруг банальной ситуации: "Возвращается муж из командировки". Что за мазохизм такой, выяснять, у кого рога круче?! Во втором все гораздо проще и скучнее: "А вот здесь мы поставим шкаф! Кстати, а ты с ней

спишь?" Какое вам всем дело до того, чье имя записано у меня в паспорте в графе "Семейное положение" и с кем я сплю! Вам какое дело?

— В общем-то, женат.

Сам-то я понял, что сказал?! Гениальная формулировка. А ведь действительно, так оно и есть. В общем-то. Иначе как назвать это существование вдвоем. Существование, где ненависти и усталости ровно пополам. Ни вместе, ни рядом. Каждый сам по себе.

Восемнадцать лет, из которых можно смело вычеркнуть три года. Это когда она ушла, и все покатило по наклонной. Вверх по лестнице, ведущей вниз. Аборта она ни мне, ни себе не простила. Лику и ту вроде бы приняла, а дурацкую погребушку нет. Дурак, что сразу не понял. А чего тут понимать? Приходишь домой, жена на месте, чужих следов в квартире не наблюдается. Чисто. А как именно день провела, мое какое дело. Я выше ревности, ревность — абстракция. Да и кого она заинтересует, даже если и друзьям показать ее нельзя. Маленькая ишо-о! Ни шарма, ни лоска. Только собачья преданность и слезы ревности в близоруких глазах. Только?

Первый укол — тогда, ночью. В первый раз отстранилась. По-кошачьи. Зрачки расширены:

— Слушай, а ты никогда не думал, что я могу тебя разлюбить?

— Ты? МЕНЯ!

— А если я, предположим, люблю другого.

— Предположим, люби.

— Тебе все равно?

— Неприятно, но... Твои чувства. Твои проблемы.

Угу, ее, как же. То, что это МОИ проблемы, стало понятно чуть позже. И ведь есть масса баб, которые давно себя предали. За бутылку и разговор с мужиком готовы влачить... Готовы влачить все, что угодно. Но это бабы. Есть еще бляди. Есть еще стервы.

Она — стерва. Моя стерва, которая предала МЕНЯ, но совсем по-другому. По-женски. Виртуозно. Специально момент подобрала, чтоб побольнее... У меня съемки сорвались, из института поперли. Денег ни копейки. В холодильнике пусто. Прихожу — на столе записка. "Ухожу". И все. Ни подписи, ни даты.

Опаньки! Приехали. Конечная остановка — всем выходить. Она и вышла.

И вот тут-то никому не скажу, а тебе признаюсь. Плохо мне стало. Да какое там плохо — кранты! До того доходило, что, проснувшись, по постели рукой шарил. Глаз не открывал. Вдруг вернулась, вдруг рядом? Смешно, да? Обхохочешься! Животики надорвешь. Вот ведь история: любить не люблю, а жить без нее не живу. Кто бы объяснил сей замысловатый парадокс. А чего объяснять — ЭТО мое. МОЯ! СОБСТВЕННОСТЬ! Я ее сам для себя сделал, именно такой, как надо мне. Она от и до прошла курс моей дрессировки.

Еще до женитьбы отвез ее зимой на дачу и запер вместе с щенком. У щенка понос. Дров нет. Газа осталось ровно на три дня. Интересно было, выживет или нет. Через три дня вернулся. В доме чисто, щенок хвостом виляет, она на табуретке статуэткой сидит, последнюю сигарету докуривает. Молчит. Потом встала и такую оплеуху мне залепила! А я подумал: м-да, вот с этим материалом можно работать!

И ведь работал. Ну да, волочился, пил, деньги в дом не нес. Но все ТАК живут. Правила семейного кошмара придумали не мы, и не нам их менять.

А она изменила. МНЕ. Нам. Ни с того, ни с сего, возьми да уйди. И ладно бы сама по себе ушла, так нет. Не сама по себе... И ни с того, ни с сего. Ты слышал когда-нибудь рев марала в городской среде, в пустой холостяцкой квартире? Что ж, ты многое потерял.

Рев был тогда, когда я эти письма нашел. Стилистка! Литераторша! Стерва!

Компьютерная вязь с ее придыханием и интонациями. Сценарий на двоих, сыгранный взхлеб. Лучше бы он просто ее трахнул!

Читать — одно. Увидеть - совсем другое.

Супермакеты "24 часа" придумали исключительно для любовников. Где еще мужчина с шиком может потратить деньги на эксклюзивный продуктовый набор перед тем, как уложить женщину в постель?

Только там. Она капризно тыкает наманикюренным пальчиком в изысканные вина, мудреные деликатесы. Хочу это, это, это. Потом, опомнившись: шучу, милый, я так тебя хочу!

А как?

Беспрецедентно!

Все (да все ли?) упаковывается в фирменный пакет: "Будем рады, если..." Не радуйтесь, ребята, просто завидуйте! Влюбленная пара — такая банальная редкость.

Вот в эдаком универсаме-супермакете я ее и встретил. Свободную и счастливую. Классический любовный треугольник: муж пришел в магазин за сосисками, а тут его бывшая жена выбирает крабы. Точнее, их выбирают за нее. Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы! И она, кроме чертовых морепродуктов, ничегошеньки вокруг себя не видит. Все ее счастье сконцентрировалось в сером прилавке, насквозь провонявшем экзотической рыбой "юй" и корейскими салатами. Счастливая идиотка!

Ася, ау! Оглянись! Это я, твой кошмар. Пройдет немного времени, и ты вернешься. Людям не свойственно помнить хорошее, они запоминают лишь то зло, которое уже попробовали.

Он хороший, да? Он любит тебя, да? И ты его любишь, да? Тогда все прекрасно!

Прекрасно для меня. Потому что ни одна истинная любовь не длилась вечно. Единственное правило, в котором не бывает исключений.

Слишком высока планка, слишком много воспоминаний, связанных с той, прошлой, жизнью. Да, Асенька, тот самый багаж. Чемодан без ручки, который нести тяжело и бросить жалко. Вечно любить можно лишь на бумаге, постоянно стирая прошлое и придумывая будущее на двоих. В реальной жизни ничего стереть не получится. Кто ты для него? Мимолетное увлечение? Угар? Любимая женщина? Единственная?

Вот уж нет. Хочешь гарантию того, что ты ко мне все равно вернешься? Да вот же она, у него на пальце. Гладкая, золотая. Именно она рано или поздно разведет вас в разные стороны. Осенний марафон, Асенька, не так ли?

Ну что ж, тогда помарафоним. Расскажи, детка, как ты его провожаешь после интимного ужина и сладких объятий?! Легким поцелуем или, напротив, надрывным: "Н.Е. привет!"

Что ты делаешь после того, как стихают шаги на лестнице?

До слез рассматриваешь неоновые вывески в раскрытом окне?

Вспоминаешь об ЭТОМ до сладкой судороги внизу живота?

Или, наглотавшись снотворного, с горечью забываешь о боли: об этом я подумаю завтра!

Ты ведь даже ТУДА позвонить не можешь, там чужая территория. Не твоя. Мне можешь. И позвонишь. Потому что больше всего на свете ненавидишь тупики, где тебя не ждут. А там тупик. Там тебе нет места. Ты вернешься, поскольку прекрасно знаешь — я тебя жду.

А пока, пусть, кради мгновения иллюзорного счастья, слушай то, что тебе говорят, глотай красивые слова. Тебе ведь их никто никогда не говорил. Бери чужое, маленькая воровка, искренне поверившая в призрак. С тобой я разберусь после. Сейчас у меня другие проблемы.

Что делать, если потерпел крушение в тоннеле любви?

Ты можешь набить ему морду. Или пройти мимо, сквозь зубы не подавая руки. Или же затесаться в рекламную распродажу кухонной утвари. Там предоставят уникальный шанс резать

морковку или взбивать яйца металлическим венчиком. Яйца от этого лучше не станут, зато у тебя будет вид человека, который знает, что делает. И в тот момент, когда фирменный гоголь-моголь был почти готов, я увидел в толпе ее глаза. Слепые. Обреченные. Мне стало легче, потому что ей было плохо.

— Она вернулась?

— Вернулась. Только не ко мне, и не к себе. В никуда. Первое время срывалась, бежала к телефону, словно тот от прикосновения мог внезапно проснуться. Он молчал. Потом перестала. Он по-прежнему молчал. Так что теперь у нас все нормально. Почти.

...Почти, за исключением одного нюанса. Она меня убить хочет.

Вот тебе и о-па! Вот тебе и инстинкт. Основной. Но в условиях российского менталитета. Где вы видели среди стогов и водочных разливов бесстрастную Шарон Стоун? Здесь такие просто не растут. У нас они мутируют. У нас другие сценарии в ходу. В восьмидесяти процентах случаев сначала порешат, а потом, протрезвев, задумаются: "Ё-мое, что ж я сделал-то?"

А то! Ничего особенного, человечка загубил. За стакан, за слово грубое или же кошелек с тремя полущками. Но это, господа хорошие, только восемьдесят процентов. Это бытовуха.

Остаются еще двадцать. И вот тут полный эксклюзив! Второго такого преступления вы больше нигде не найдете. Вы мне тут, не надо нам, как говаривал один неглупый человек. Правильно говорил, чем непонятнее, тем умнее. Пойди пойми, за что она меня на тот свет отправить хочет?

Вообще, конечно, полный идиотизм. Живут двое. Давно живут. Больше молчат, чем разговаривают, но... живут же. И тут казус: законная жена задумала злодейство. И не просто злодейство, преступление! Душегубка! Да что там задумала, чуть уже не убила, но... Но не доказать: трупа, то есть меня, мертвого, нет. Живой я! Значит, нет и состава преступления.

Предъявите сначала труп, а потом пишите заявление.

Ребятунки, милые, да как же я вам его предъявлю?! Она ведь только хочет.

Менты ржут. Мужик, тебе хорошо, баба горячая-ласковая досталась. Хочет! А ты заявление на нее. Нехорошо получается. Совсем ты, мужик, отвык от жизни на своих сценических площадках, евро-порно снимаючи. Позиция номер 234, дубль 25, мастурбирующих, не занятых в кадре, просим покинуть площадку. Вот она у тебя недо...вольна, вот она и хочет. Уестестви! Какие тогда проблемы?

Большие проблемы.

Я ведь понятия не имею, что в ее голову придет, что она еще выкинет. Прихожу домой, а на столе книжка лежит: "Мыловарение в домашних условиях". Открываю. Читаю:

"Суть мыловарения заключается в растворении жира в едкой щелочи. Но просто растворить жир в щелочи недостаточно. Делать это нужно, соблюдая определенные пропорции и температурный режим, а также, добавляя в смесь специальные отверждающие вещества. Хитростям этого процесса и посвящена наша брошюра". А рядом с этой, блин, брошюрой - газета. Желтым цветом подчеркнуто:

"Наш специальный корреспондент сообщает. Вчера в штате Техас было совершено еще одно зверское преступление. Тридцатилетняя женщина после юбилейного заседания клуба феминисток зверски убила мужа. После, перед сном, она зверски и хладнокровно растворила тело супруга в чане с щелочью. Только по счастливой (!) случайности, останки несчастного были вовремя обнаружены бдительными соседями. На вопрос, почему она это сделала, миссис Джорджиа ответила: "Все эти годы он подавлял мое либидо!"

Откуда я знаю, может я тоже давлю на чье-нибудь либидо! Профессия у меня такая, на

либидо давить! Но дальше — хуже:

"По предназначению мыла делят на три вида: хозяйственное, туалетное и специальное".

Спрашивается, а меня в какой разряд записали, а? Я бы, конечно, предпочел туалетное. Оно душистее и вообще...

Авторы бестселлера тоже с согласны с таким утверждением: "Особо ЖЕСТКИЕ требования предъявляются к туалетным мылам, поскольку туалетное мыло, прежде всего, предназначается для мытья лица и паховых областей".

Довольно милое вступление, не так ли? И это только начало!

"Что необходимо иметь для работы?"

ПОМЕЩЕНИЕ. Заниматься мыловарением в квартире или доме невозможно из-за появления дурного запаха. Поэтому варку лучше всего устроить в отдельном сарае, или прямо на улице (дорогая, тебе дача не подойдет?).

ВАРОЧНЫЙ КОТЕЛ. Лучше чугунный. Объем его целиком зависит от Ваших потребностей (во мне восемьдесят кг с хвостиком: где найти такую посуду?).

ЩЕЛОЧЬ. Ниже описан способ получения его из печной золы.

ОТХОДЫ ЖИВОТНОВОДСТВА: кости, жир, тук с внутренних органов. Лучше всего использовать бараний жир, но также годится свиной или говяжий.

ФОРМОВОЧНЫЙ ЯЩИК..."

Так что немного смекалки, терпения и подсобных инструментов — и ваше мыло готово!

"Если вы разработаете свои "фирменные" рецепты, не забудьте ими поделиться с нами. Ждем ваших писем."

Ничего себе фирменный рецепт: как лучше растворить мужа в щелочи и приготовить из него большой брусок душистого зеленого мыла! надо, надо умываться...

Понятно, что так просто я ей не дам, но ведь мужскую бдительность можно запросто усыпить.

Я ночь не спал, себя караулил.

Наутро женушка говорит:

— Милый, поедем на дачу? А? Там сейчас хорошо!

Это кому там будет хорошо? Мне или ей? Нет уж. Не дождетесь!

На следующий день у нее новая книжка появилась: "Отравляющие вещества".

Она еще издевается!

Тут я не выдержал. Спрашиваю:

— Зачем?

— В порядке повышения образованности. Ты же меня стесняешься, а так я стану умной, и тебе со мной интересно будет!

Да уж, не соскучишься. Настолько мне весело и вольготно стало, что я позвонил Горькушкину, он у нас химик, как по призванию, так и по диплому. Когда-то Горькушкин по спецзаказу делал шпанские мушки, остатки мы потом девчонкам знакомым скармливали. Эффект ошеломляющий! Потом он слегка изменил профиль деятельности, поставив бизнес на более широкую ногу. Теперь он мне спермозаменитель по сходной цене доставляет. На экране очень хорошо смотрится. Натурально. Да и актеры не жалуются, поскольку горькушкинские натурпродукты обладают еще и противовоспалительным эффектом. После съемок все ссадины и порезы заживают в момент. При нашей работе — это важно. То, что снижает риск, — дополнительный плюс.

Итак, звоню. Горькушкин как всегда у институтской тяги химические шедевры создает: там булькает, там взрывается, в общем, работа на месте явно не стоит. Работа кипит.

И вот тут-то я понял весь идиотизм ситуации. Это как в метро голым прийти. Во сне. Все

глазуют, все видят твоё причинное место и понимающе молчат: у каждого свои недостатки. Так что впору легенду изобретать. И после долгих хождений вокруг да около, сценарных эквивалентов, я невзначай его спрашиваю:

— Слушай, а в домашних условиях можно приготовить яд, практически не оставляющий никаких следов? Чтоб ни один эксперт не заподозрил подвоха?

В ответ рычание:

— Вы что, ребята, издеваетесь? Неделю назад твоя Настя звонила, то же самое спрашивала.

— Ну а ты? — холодею я.

— Сказал, что можно.

— И только?

— Да нет, ещё и показал. Она материал для статьи собирала. О семейных трагедиях. Слушай, старичок, жуткие у вас вещи творятся.

— У нас???

— У богемы. И чего вам просто не живётся, не дышится, не любитесь. Ты вот со спермой уже который год экспериментируешь, жена откровенной дурью маётся. Жили бы как все.

Как все, мы не можем. Не умеем, да и, пожалуй, не хотим. Мы даже отпуска проводим вместе, не давая друг другу шанса отдохнуть по-человечески. Мучиться, так рядом. Ночью лежим на коммунальном нашем диване и прислушиваемся к раздельному дыханию. Как я ненавижу её в тот момент. И как, должно быть, ненавидит меня она.

И хуже всего осознавать, что так пройдет ещё несколько лет, и будет поздно что-либо изменить. Как изменить?

Господи, пусть её просто не будет! А, господи, что тебе стоит?! Ты же всемогущий. Давай так: я проснусь, а её рядом нет. И пусть мне это будет безразлично. Совсем. Не больно, не горько, никак. Это все, о чём я тебя прошу, слышишь, меня, господи? Ведь отравит она меня, а я и не замечу. Не зря же к Горькушкину обратилась, значит, совсем немоготу стало. Боже, я ещё нужен тебе? Может, я тебе на что сгожусь?

Может, и сгодишься...

— Кстати, а препарат, который ты для неё сварганил, препарат где?

— У неё, вестимо. Ребята, а чо, у вас происходит, а? Я что-то не то сделал?

Правильно говорят, святая простота хуже простаты. Ну и где я теперь тот пузырек найду?

Где, где? В желудке. Собственном, между прочим.

Надеюсь, она предварительно содержимое флакончика хоть растворит в каком-нибудь борщике. Хоть поем напоследок. С аппетитом камикадзе, раздумавшим совершить свой последний подвиг.

Не знаю, что она ещё может придумать. В чужую голову ведь не влезешь, тем более, голову собственной жены.

А, может быть... упредить удар? Самому. Она же всё равно со мной мучается, а так я её вроде бы и избавлю от всего. Не больно. Легко. Просто. И с фильмом тогда не будет никакого скандала. Я ведь всё равно его сниму. За обработку сценария сущие копейки заплатил, зачем платить, если он уже написан. Написан профи. Только профи об этом не знает. Почему нельзя читать чужие письма? Почему, почему? Потому что нельзя! И не то чтобы меня особо волновали вопросы морали, но... Предугадать реакцию разъяренной женщины невозможно.

Что сделает моя жена, если прочтёт этот сценарий, даже представить страшно. Вот тогда точно убьёт. Ни перед чем не остановится.

Нет, самому страшно. В состоянии аффекта — ещё куда ни шло. Но сознательно... Не могу. И главное, я не могу с ней, и не могу без неё. Это как воздуха лишиться. Впрочем, был бы

противогаз под рукой. Один раз почти что его примерил. В ванной тогда закрылась, а за дверью — полная тишина. Дверь я выломал, когда она уже плавала в кровище. И мне бы в сторонку отойти, не заметить. Вот выход-то. Я тут ни при чем, я за хлебушком бегал, меня тут не было. Она САМА! Не виноватый я, не виноватый. Да кто винит-то? Всем все равно. Это ад на двоих. На нее и на меня. Остальным и дела нет, что происходит за нашей маленькой дверью. В каждом шкафу свой скелет, так что давайте не будем хвастаться, у кого он симпатишней.

Но, допустим, не будет ее. Явится черт или бог, или, в крайнем случае, судьба. Просыпаешься, а ее нет. День, два, всегда. Свобода? Свобода. Но кому она нужна, если привык к другому? Я завишу от этой стервы гораздо больше, чем она от меня. Привычка сильнее любви, сильнее ненависти и страсти. Привычка — наше второе я.

Конечно, если она исчезнет, мне станет легче. Это как попробовать черную икру в дорогом ресторане, после многодневной голодовки.

Но... Сколько можно есть черную икру без хлеба, нюхать розы и французский парфюм?! Можно мне немного дерьма, для разнообразия? Для воспоминаний. Хочу освежить в памяти, как мне было плохо. И еще. Сегодня я могу пойти или не пойти домой, зная, что она там. Пусть убого, но этот путь я выбираю сам. А если выберут за меня? Ведь тогда я уже ничего не смогу исправить. И вот это уже будет сродни аду, когда просыпаешься и понимаешь, что НИЧЕГО исправить нельзя. Только в любимой песни поется: "Эту ошибку можно исправить, если захочешь сам". А вдруг захочу? И тут голос с небес : поздно, батенька, поздно. Нет ничего горче, чем ощущение несбывшегося. А у нас многое не сбылось. И не сбудется.

Но пока у нас есть шанс. Начать все с чистого листа.

Запутано? Впрочем, где вы найдете простые отношения между двумя людьми — мужчиной и женщиной? Так не бывает. Что мне делать, господи, ждать, когда меня отправят на тот свет или же самому хотя бы раз в жизни совершить мужественный поступок? Избавить ее от всего и, тем самым, подписать себе приговор? Что выбрать: белое или черное? Подскажи!!!

Черт побери, лучше бы она меня тогда отравила!

Тебе хорошо. Ты пиво пьешь и смотришь на меня, как на идиота. Ты спрятался в своем сером цвете, и поэтому абсолютно спокоен. Хладнокровие и отсутствие эмоций — вот твои спутники. Твой мирок узок, и ты этим доволен. Размеренный ритм жизни, каждый день одно и то же — чай, телевизор, прогулка. Я завидую тебе, потому что ты не знаешь, что такое ад.

Что может быть противнее, чем ненависть к самому себе?

СОЛО

Нет ничего печальней, чем старый гомик с насморком.

Я, конечно, не гомик. Но насморк у меня есть. Это то небольшое, что у меня еще осталось. Насморк, геморрой, радикулит и жуткая аллергия. Все хроническое. Все неизлечимо. Пока. Нет, при наличии денег, связей, свободного времени и хороших врачей — я еще смогу поправиться и, как говорится в рекламных проспектах, вести полноценную и счастливую жизнь. Но... Личного времени почти не остается, что уж говорить об остальных пунктах списка. Да еще на работе постоянные проблемы. Шеф злится, говорит, плана не выполняю. Правильно говорит, не выполняю. Так я же и не настаиваю! Где уж в моем возрасте за стахановскими рекордами угнаться. Тем более, машины нет, а, значит, нет и нужного оборота. Замкнутый круг. Шеф в пример молодых да ранних ставит: вон, кивает, Азередов плана на целую пятилетку выполнил, Асмодеев грамоту почетную получил в госсовете, а ты чего, спрашивается, мышей не гоняешь?

А у меня зуб болит. И еще я взятку не беру. Мне их, правда, никто и не дает, но все равно

— принцип! Вот на такой же принцип и в поликлинике нарвался. Прихожу, вымучиваю бесконечную очередь и, наконец, вот оно — долгожданное. Кресло. Стоматолога. И нет чтобы сперва мой зуб немного посверлить, он карточку стал заполнять.

— Вы кто?

— Служба ликвидации.

— Умоляю, спасите!

А зуб кто будет спасать? Но это так, вопль страждущего в пустоту. Точнее, в городскую пустыню. Проблему-то надо решать. А проблема ой-ой-ой... Стоматолог-то людоедом на поверку оказался. Хобби у него такое. Жил себе поживал, добра наживал, в свободное от основной работы время промышлял каннибализмом и был абсолютно счастлив. И вдруг какая-то газетка, вроде бы "Криминальный калейдоскоп", опубликовала от его имени исповедь. С подробностями, все, как и полагается. Кого, как, когда. Нормальная исповедь получилась. На газетной полосе ее как следует залили кетчупом, добавили пару постановочных снимков. Тираж номера разошелся на ура. В редакцию кто только не звонил: работники правоохранительных органов, сердобольные старушки, интересующаяся молодежь и непосредственно жертвы. Каждый из них требовал своего: кто-то сатисфакции, кто-то настоящего имени героя, а кто-то его адреса.

Герой же, в свою очередь, оказался недоволен. Все не так. Неправильно. Не так он их ел, понимаете, не так! Позвонил в редакцию.

Его мягко послали.

Он позвонил еще раз.

Его опять послали, на этот раз жестче.

Каннибал растерялся. С одной стороны, впору подавать в суд за клевету, с другой — сам попадешь не туда, куда хочешь.

Что делать?

Ох, делать пришлось мне. Прихожу в редакцию, а там сдача номера.

Журналисты в поте лица в "Quake" сражаются. Рабочую тишину лишь изредка нарушает компьютерный вой и треск виртуального оружия.

Спрашиваю:

— Ребята, кто статью про людоеда писал?

Молчание.

Спрашиваю опять.

Не слышат. Работают.

Наконец, один оторвался от экрана. Бритый затылок, массивная цепь на бычьей шее, два сотовых — один слева, другой справа. М-да, золотое перо Петербурга.

— Мужик, а типа, какие проблемы? Не, писал не я, я не пишу, я редактирую. Кто автор? Так, пацанчик один, талантливый черт, в натуре. Нет, конечно, мы понимаем все трудности, которые возникли из-за публикации актуального и спорного материала. Однако вы понимаете, закон на нашей стороне, не так ли? Давайте придем к консенсусу. Без понтов.

И мы пришли.

На прощание пожал мне руку:

— Меня зовут Виктор. Ударение на последнем слоге. Будут проблемы в печати, заходи. Поможем. В натуре.

Дело-то действительно выеденного яйца не стоило. Всего за 200 у.е. Виктор (ударение на последнем слове, понял, нет?) опубликовал мой опус о тяжелых буднях российского каннибала: "Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать". Успех был ошеломляющим.

Ту проблему я решил, но зуб у меня от этого болеть не перестал. Правда, есть

расхотелось. В общем, так всегда происходит. Куда бы я ни пришел, всюду находятся люди, у которых, в свою очередь, находится масса трудностей. И трудности нужно решать. Должность обязывает.

Поэтому у меня и кран течет, и бачок в сортире журчит на разные голоса, и в двери след от топора. Сосед за деньгами приходил, а меня дома не было. В общем, тот самый случай, когда наша служба и опасна, и трудна, и достала всех она. Нет, работу я свою люблю. Номинально, как и полагается. В обществе анонимных трудоголиков никогда не состоял. Но ведь сколько лет в отпуске не был: только соберусь, оп-па, и новый выгодный контракт. Пока туда, пока сюда, зима на носу. Какой же тут отдых! Хочется, хочется на солнышке погреться, косточки размять, на мулаток издали посмотреть. Почему издали? Да просто не люблю я мулаток. Я вообще никого не люблю — я интернационалист! А потому не дадут мне отпуска. И не уволят. Где они еще такого найдут?

Вопрос из анкеты: "Ваши личные и профессиональные планы на ближайшие пять лет?"

Ответ: напряженный рабочий ритм — с одышкой и беготней по квартирам.

Каждый день я прихожу вечером домой, завариваю алый чай и мечтаю о домработнице. Циничной, сохраняющей интеллигентный вид даже в самых отчаянных ситуациях, с грациозной осанкой фрекен Бокк. Она должна любить джаз, Грэма Грина и беспорядок в квартире.

Но пока это только мечты.

А еще я хожу в баню и каждый раз мысленно благодарю того, кто ее придумал. Жарко, влажно, пар от разгоряченных тел, венички. Вот только в силу особых обстоятельств приходится париться с сослуживцами, а это не то... Разговоры о работе, и в бане? Не актуально. Сегодня вот даже радикулит на время угомонился, после массажа, но годы, знаете ли, годы дают знать. Сперва коньячок, на него пиво, да еще табачком и под дождик. Пока этого режиссерушку до машины дотащил, тут и хлынуло. А вместе с дождиком и прострел.

Скорчился буквой зю и поплелся на автобусную остановку. Правда, вовремя вспомнил — ночь на дворе, какие автобусы. Нет, точно потребую у босса прибавку. Одни транспортные расходы полбюджета съедают.

Что же, на сегодня работу можно считать выполненной. Сейчас заварю чайку и вернусь к Пути Самурая:

"Я лично люблю спать. Со временем я собираюсь все чаще уединяться у себя в доме и проводить остаток жизни во сне".

Вот и я люблю спать, крутиться с боку на бок и потягиваться верблюдиком. Хорошо! Остановись мгновенье, ты прекрасно.

«Воистину, жизнь человека длится мгновение, поэтому живи и делай, что хочешь. Глупо жить в этом мире, подобном сновидению, каждый день встречаться с неприятностями и делать только то, что тебе не нравится. Но важно никогда не говорить об этом молодым, потому что неправильно понятое слов может принести много вреда».

А я и не говорю. Не с кем мне говорить. Хороших собеседников нынче, как и хорошего вина, — где-то оно, безусловно, есть, но слишком дорого, слишком изысканно. Все слишком. Первый глоток — блаженство. Второй — нектар. Третий — раздумье. Четвертый — страх. А что дальше? Дальше — развилка. Либо ты возвращаешься к суррогату, либо полностью отдаешься изыскам. Но человек ко всему привыкает, тем более, к хорошему. После хорошего вернуться к худшему намного сложнее. То же самое и с собеседниками.

Поговоришь с умницей, а после ощущаешь пустоту. Равных мало, с другими неинтересно. Вот я больше и молчу, слушаю. Уметь слушать — искусство. Когда же молчать и слушать становится невыносимо, включаю телевизор.

Феллини, что ли, сказал: телевидение — это когда одни люди смотрят, как плохо другим. Причем с удовольствием смотрят. С интересом.

Хотя, стоп! С интересом раньше смотрели, когда каналов до сорока было. Сидишь в удобном кресле, кнопочки на пульте нажимаешь и ба-а-алдеешь от бесполезности своего занятия. Не замечаешь, как время собирается в минуты, комкается в часы и исчезает в сутках.

Был период — телевизор нам заменял друзей и родных. Телеведущие — лучше, красивее, дружелюбнее. Программы новостей рождали эффект сопричастия. Мы путешествовали по миру, не вылезая из уютных кресел.

А потом все прекратилось. Сперва каналов стало шесть, потом четыре, потом два.

А теперь один. Государственный. Туда попадают лишь ПО БЛАТУ. Какому именно, никто не знает. Нужно ли быть родственником КОГО-ТО, ЕГО любовницей или любовником — неизвестно. Все сотрудники первого и единственного телеканала обладают холеной похожестью. Безупречны и потому абсолютно стерильны. Полубоги, на своем уровне решающие, во что нам одеваться, что есть, как себя вести и что, наконец, смотреть по вечерам.

Что бы мы делали, если бы не пиратское телевидение!

Его ловишь самостоятельно, своеобразная игра в русскую рулетку: никогда не знаешь, на что попадешь, и попадешь ли. В отличие от государственного телерадиовещания, пиратских каналов — уйма. Правда, часть транслируется через электронную сеть. Изображение там намного лучше, но вот содержание. Полутонов телепираты не признают: смотри либо белое, либо черное — либо мелодраму, либо триллер. Другого не дано. Другого просто нет. Впрочем, может быть, они и правы. В нашей жизни этого ровно пополам: когда хорошо, тогда слезы и сопли от счастья, когда плохо — кровь и выбитые зубы. Но в итоге каждый приходит к одному и тому же — иллюзии смерти. Кто нам сказал, что мы действительно умираем? Может быть, смерть — это всего лишь сон.

Китайскому мудрецу (Джуан Цзы, что ли?) приснилось — он легкая ажурная бабочка, порхающая по цветам. Когда проснулся, задался вопросом, кто он теперь? Джуан Цзы, который только что видел себя в образе бабочки? Или же бабочка, которой сейчас снится странный сон — что она человек?

Так и смерть. Самый страшный и вместе с тем, прекрасный фантом, к нему каждый приходит своим собственным путем. Фантом смерти обладает высшим разумом, он мыслит, как космический океан, постоянно меняясь, теряя прошлые черты и приобретая новые. Странно, что люди так боятся ада, ими же и созданного. Вся эта прелестная мишура — черви, черти, сковородки, огненные печи. Детские сказки. Конечно, в них проще поверить. Истинный ад не замечает никто. Он рядом с тобой, он в тебе. И самое страшное в том, что он никогда не окончится. Даже после Армагеддона. Вы верите в конец света? Нет? Верьте, ибо это то немногое, что вам осталось. Конец света и наше телевидение, по-змеиному проникающее в человеческий мозг, словно в податливую розовую губку. Губка впитает все.

И вот один глаз видит мир в белом, а другой — в черном. Вместе они воспроизводят картинку — черно-белый экран, где двигаются маленькие фигурки, играющие в жизнь. Что же я сегодня хочу на ужин, плавно переходящий в завтрак: мелодраму или триллер? Пожалуй, легкое шоу со слезами и примирением. Что-нибудь из частных семейных хроник, пожалуйста.

Оп-па!

Дверь неслышно открылась.

Я постарался вложить в поворот ключа как можно меньше шума.

Странное ощущение: вроде пришел домой и не домой. В коммунальную квартиру.. Все общее и ничье. Общие санузел и ванна, кухня, комната и постель. Как это не похоже на

коммуналки моего детства, длинные темные коридоры, где вечно на голову падает то таз, то детский велосипед; где для того, чтобы принять ванну, необходимо за три дня записаться в общеквартирной очереди; где восемь газовых плит и столько же холодильников. Эта квартира другая. Дом, который обещал многое, но не исполнил даже малого.

Она сидела на кухне. Стол накрыт на двоих.

— Извини, я выпила весь твой коньяк.

— На здоровье.

Я постарался пройти мимо так, чтобы она уловила запах алкоголя. Для надежности. Это почему-то успокаивает мою жену. Когда я пьян, она все про меня знает. Когда трезв — боится. У других бывает наоборот. У нас так. Забавно, в последние месяцы я только и делаю, что притворяюсь, будто пьян, — сижу подле унитаза, изрыгаю из себя непристойные звуки. Единственный шанс побыть в нашей малометровке наедине с собой.

— Есть будешь?

Восемнадцать лет минус три года один и тот же вопрос. Вот что значит дрессировка.

— Что на ужин?

— Борщ, рыбные консервы. Есть еще вино.

Вот оно и случилось. Отравит, как пить дать, отравит! Мама дорогая, что делать?

Что-что, спасти свою жизнь, разумеется! Уф, сразу взмок.

— Так, значит, есть не будешь? Тогда я уберу все в холодильник? Ты не возражаешь, если я приму ванну!

— Конечно, дорогая, конечно.

Она похожа на сомнамбулу, Глаза стеклянные, мертвые. Обреченные глаза.

Дверь не закрыла.

Сквозь щелку, вижу, как моя жена снимает халат, неторопливо набирает воду в ванной. Включает маленький телевизор. Он стоит на подставке. Опасно, но ей так нравится. Она любит мелодрамы на ужин. Плеск горячей воды, тело медленно розовеет. К потолку поднимаются голоса:

— Хочу, добрая фея, чтобы у меня все было.

— Договорились, у тебя все было!

Мне нужно лишь войти и совершить лишь одно движение. Всего одно, и тогда все решится само собой.

Какой у нее удивленно-понимающий взгляд: «Ты хочешь этого? Правда? Тогда сделай!!! Поскорее! Не больно!»

— Извини, я забыл здесь... халат. Ты позволишь?

И выходя, чуть наклоняюсь... Телевизор в воде. Очень опасно. Для жизни. ЕЕ.

Я не оглянулся. Я никогда не оглядываюсь. Несчастный случай или самоубийство. Полиция разберется. Потом.

Вот все и кончилось. Впервые в жизни я совершил глупость, которую люди называют правильным поступком.

Жаль, что она выпила все бренди. В доме нет ни капли спиртного. Квартира вычищена, вылизана до блеска. Только на столе два блюдечка. В одном — розовая пилюля. В другом — голубая. К ним стекаются два черно-рыжих ручейка. Новая приманка для тараканов?! Придумают же люди такое универсальное средство, желая избавиться от помех!

Ты выполнил мое желание, господи. Но разве я этого хотел?!

Помехи, помехи. Я привык к ним и стараюсь не замечать. Сперва исчезает звук, потом изображение, потом картинка меняется, и ты не понимаешь, что смотришь — новую серию или

же ремикс на старые темы о главном. Вот и сейчас...

Дверь неслышно отворилась.

Он постарался вложить в поворот ключа как можно меньше шума.

Странное ощущение — вроде пришел домой и не домой. В коммунальную квартиру.. Все общее и ничье. Общие санузел и ванна, кухня и постель. Как это не похоже на коммуналки моего детства: длинные темные коридоры, где тебе на голову вечно падет то таз, то детский велосипед; где для того, чтобы принять ванну, необходимо записаться за три дня в общеквартирной очереди; где восемь газовых плит и столько же холодильников. Как не похожа наша квартира на тот социалистический парадиз. Дом, который обещал столько, но не исполнил даже малого.

У меня было время все обдумать. Взвесить pro et contra и принять решение. Единственное, которое считаешь верным. Когда не знаешь, как поступить, делай шаг вперед. Нужно совершить всего лишь одно движение. И тогда грани кубика Рубик наконец-то соединятся в нужном порядке. И красное будет красным, а желтое — желтым.

И моя жизнь обретет смысл.

Всего лишь одно движение.

В левом бокале — розовая таблетка, в правом — голубая.

Они давно растворились в остатках российско-украинского бренди. У нас всегда все было ровно пополам.

Я выпью левый, он — правый.

Если это — яд, то мы просто умрем. Оба. Освободим жилплощадь, смешавшись в общей могиле. Косточка к косточке, глазница к глазнице. Не будет ни цветов, ни музыки. Пусть! Мы, наконец, впервые в жизни, окажемся вместе.

Я не хочу в одиночестве отдуваться за наши общие грехи и здесь, и ТАМ. Не хочу своими же руками отдать ему спокойную и свободную жизнь, какую он всегда хотел. Это слишком легко. Да, и я этого хотела раньше. Но... Шрамы до сих пор болят. Когда женщина отвечала за свои слова и поступки?! Вот! Поэтому будет так.

Тем более, кто сказал, что это действительно яд? Может быть, нас завтра просто пронесет... И все. Это игра в русскую рулетку. 99 процентов из ста, что ничего не случится.

Мы выпьем, ляжем спать, а утром все пойдет по-старому.

Ничего не случится.

Но есть один процент, маленький такой, что мы не проснемся. Или проснемся там, где я... боюсь оказаться. Но он будет со мной. Так что я, собственно, теряю? Ни-че-го! Ничего, я не теряю.

Дорогой, выпьешь?! Бренди сегодня особый! Один глоток, и ты ничего не помнишь. Анестезия...

Выпей в знак нашей любви и верности... Выпей... Вместе со мной.

Я устал. Очень. Больше всего на свете я люблю спать. Во сне мы умираем и возрождаемся. Увы, меня все чаще посещают кошмары. В них я дергаю за ниточки, и люди марионеточно исполняют последний танец.

Они не знают, что живут в коробочке сна, которая находится в другой, побольше, а та, в третьей, и так до бесконечности. Возможно, где-то и есть огромный короб, наполненный их истинными судьбами, а не фантомами. Но кто знает об этом? Мишура часто обманывает взор. Завтра мы проснемся, и неожиданно пойдем: все приснилось. Сон в летнюю ночь. И сон был сладким, дарил надежду на нечто другое, неважно, плохое или хорошее, другое. Кто меняется,

тот живет.

Завтра мы пойдем: страшно, когда ты боишься перемен, когда боишься сделать шаг вперед.

Древние говорили: "Если ты не сделаешь чего-то сразу же, не сходя с этого места, оно останется несделанным до конца жизни. Во времена, когда трудно завершить дела силами одного человека, их можно завершить силами двоих".

Но древние не знали, что эти двое должны ненавидеть друг друга. Только ненависть рождает схожесть — ступеньку вниз. За ней — другая. И так по спирали. ВНИЗ. Пока не увидишь дверь и не услышишь: «Welcome to the HELL!» Нажмешь на красный огонек и...

Прощаясь, я сказал этой несчастной фразе, которую она так хотела услышать:

"Все будет хорошо..."

Но не добавил главное:

«...но хорошо не будет».

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО, НО... ХОРОШО НЕ БУДЕТ.